

Бестселлеры автора изданы более чем в
30 странах мира

18+

КРИСТИНА
• ЛОРЕН •
ПРИТЯГАТЕЛЬНЫЙ
ДЕРЗКИЙ ЛЖЕЦ

Кристина Лорен
Притягательный дерзкий лжец
Серия «Дерзкие истории», книга 4

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66892213

Притягательный дерзкий лжец: Издательство АСТ; М.; 2022

ISBN 978-5-17-115685-5

Аннотация

Лондон Хьюз идет по жизни уверенно и прямо – занимается серфингом, работает в баре, проводит время с друзьями. Но улыбка Люка Саттера сшибает ее с ног, как волна с серфинговой доски, сбивает с толку и заставляет свернуть с точно намеченного пути...

Люк так долго жил на автопилоте, что уже давно не останавливается, чтобы задуматься о том, что делает. Но Лондон словно оживила его разбитое много лет назад сердце.

Сможет ли новое, зарождающееся чувство победить страхи и ошибки прошлого?

Содержание

Глава 1. Лондон	5
Глава 2. Люк	33
Глава 3. Лондон	62
Глава 4. Люк	80
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Кристина Лорен Притягательный дерзкий лжец

Christina Lauren

WICKED SEXY LIAR

© Christina Hobbs and Lauren Billings, 2016

© Ивасечко И., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1. Лондон

Если у вас давно не было секса, ждите примерно следующее. Вы будете машинально вздыхать во время сцен поцелуев в фильмах, и эти вздохи и фыркание будут сопровождаться закатыванием глаз, из-за чего вы непременно схлопочете в лоб подушкой с противоположного конца дивана. Еще вы сможете назвать по памяти не меньше трех онлайн-секс-шопов, точно вспомнив тарифы доставки, скорость и надежность. Как минимум два из них вам выдаст поисковик, едва вы введете первую букву названия.

И будьте готовы к тому, что ваша соседка *всегда* будет клянчить у вас батарейки для пульта от телевизора, ручного пылесоса или фонарика, думая, что они у вас есть. Это просто нелепо, потому что все знают, что лучшие игрушки работают либо от сети, либо на аккумуляторах. *Эх, дилетанты.*

Еще с мастурбацией станет все просто замечательно. Я имею в виду, *по-настоящему* замечательно, как у олимпийской чемпионки, если бы существовал такой вид спорта. И секс с самой собой станет единственно возможным вариантом, потому что какой мужчина сможет конкурировать с вашей рукой или мощным вибратором с семнадцатью скоростями?

Побочные эффекты синдрома необщительной вагины становятся особенно заметными, если вас постоянно окружают

три самые отвратительно-счастливые парочки. Моя соседка Лола и ее лучшие подруги Миа и Харлоу познакомились со своими половинками во время совершенно безумного и разгульного уикенда в Лас-Вегасе. Миа с Анселем женаты и едва появляются на людях. Харлоу с Финном, похоже, преуспели в сексе посредством зрительного контакта. А Лола со своим парнем Оливером сейчас на таком этапе отношений, когда не могут оторваться друг от друга, а секс у них происходит практически спонтанно. Приготовление ужина превращается в секс. Просмотр «Ходячих мертвецов», кажется, их тоже возбуждает. Какой-то круглосуточный секс! Иногда они просто приходят домой, спокойно болтая о какой-нибудь ерунде, потом внезапно замолкают, глядя друг на друга... и понеслась.

Да, и к слову... Оливер – очень шумный, и у меня появилась реальная возможность узнать, какие плохие словечки популярны в Австралии. Хорошо, что я их обоих очень люблю. Да, люблю всем сердцем. Мы с Лолой познакомились в ту пору, когда изучали изобразительное искусство в Калифорнийском университете. Потом, прежде чем она переехала ко мне прошлым летом, мы пересекались довольно редко, но у меня сразу возникло стойкое ощущение, что я знаю ее всю свою жизнь.

Услышав ее вялое шарканье, я расплываюсь в улыбке. Она появляется со спутанными волосами и все еще покрасневшимся лицом.

– Оливер только что ушел, – с полным ртом хлопьев с изюмом говорю я. – Спотыкаясь, он нарисовался минут десять назад, лохматый и растрепанный и с ошалелой улыбкой. Я дала ему «пять» и бутылку «Гаторейда» на дорожку, потому что после всего этого у него *явное* обезвоживание. Честное слово, Лола, я под впечатлением.

До этого момента было трудно представить, что щеки Лолы могут порозоветь еще сильнее. Хорошо, что я не поспорила на это. Проигрыш был бы обеспечен.

– Извини, – смущенно улыбается она, выглядывая из-под открытой дверцы кухонного шкафа. – Мы, наверное, тебе до смерти надоели, но я уезжаю в Лос-Анджелес.

– Даже *не вздумай* извиняться за то, что милый и потрясающий австралиец опять поймел тебя до потери сознания, – отвечаю я и встаю помыть тарелку. – Я бы испереживалась, не будь этого перфоманса каждый день.

– Просто иногда кажется, что до его дома ехать целую вечность, – Лола закрывает шкаф и, размышляя, смотрит вдаль. – Безумие какое-то. Или это мы *безумные*.

– Я попыталась убедить его остаться, – говорю я. – Кстати, я ухожу на весь день, а вечером работаю. Так что остаешься тут за главных.

– Сегодня опять работаешь? – налив себе воды, удивленно спрашивает Лола, опираясь бедром о стол. – У тебя на этой неделе все вечера заняты?

– Фреду нужны люди, а дополнительные рабочие часы еще

никого не убили, – пожимая плечами, объясняю я. Потом, вытерев тарелку, быстренько убираю ее и осведомляюсь: – А тебе разве не нужно доделать панно?

– Нужно, но я с удовольствием поболтала бы с тобой... Но ты ведь постоянно то на пляже, то работаешь...

– А у *тебя* офигенный парень, да и твои дела идут в гору, – отвечаю я.

Лола, наверное, самый занятой человек на свете. Она погружена в редактуру своего нового графического романа «Майский жук» или ездит на съемочную площадку, где экранизируют ее первую книгу – «Рыбу Рэйзор». К тому же ей часто приходится летать – то в Лос-Анджелес, то в Нью-Йорк, то куда-нибудь еще, куда студии или издательству вздумается ее отправить.

– Я знала, что сегодня ты будешь работать весь день, а вечер, наверное, захочешь провести с Оливером, – сжав ее плечо, добавляю я. – И потом, чем еще заняться в такой замечательный день, если не серфингом?

Она ухмыляется, держа чашку у губ.

– Даже не знаю... Ну там, сходить на свидание, нет?

Фыркнув, я закрываю шкаф и комментирую: «Очень смешно».

– *Лондон*, – она толкает меня в бок с серьезным выражением лица.

– *Лола*, – вторю ей я.

– Оливер упоминал о друге, который в скором време-

ни должен приехать из Австралии. Может, нам встретиться всем вместе? – предлагает она, не поднимая взгляд и демонстрируя повышенный интерес к ногтям. – Сходим в кино или что-то вроде того...

– Без вариантов, – говорю я. – Моя дорогая и любимая, мы говорили с тобой на эту тему не меньше десятка раз.

Лола снова смущенно улыбается, а я со смехом выхожу из кухни. Но она идет за мной по пятам.

– Ты не можешь винить меня за легкое беспокойство о тебе, – замечает она. – Ты все время одна и...

Я беспечно отмахиваюсь от нее.

– Вообще-то, быть одной не значит быть одинокой.

Как бы ни была привлекательна идея заняться с кем-нибудь сексом, понимание того, что вместе с этим неизбежно приходит и куча проблем, заставляет насторожиться. У меня и без того достаточно людей вокруг – я еле успеваю общаться с Лолой и ее большой дружной компанией, а также их половинками. Мне пришлось постараться, чтобы выучить их фамилии.

– Тебе что, Харлоу шлет мысленные послания?

Лола хмурится, когда я наклоняюсь поцеловать ее в щеку и говорю:

– Не беспокойся обо мне. Я пойду, а то через двадцать минут прилив.

После долго дня, проведенного в мире воды, я повязываю фартук и встаю за барную стойку в местечке, любовно прозванном в народе «Царской гончей». Владельцем бара является Фред Фёрли.

Банка с чаевыми наполнена чуть больше чем наполовину, и это означает, что день в целом неплох, но и не настолько безумен, чтобы Фред взял еще кого-нибудь мне в помощь. У одного конца стойки тихо сидит парочка с полупустыми стаканами. Они настолько погружены в разговор, что едва замечают, когда я подхожу ближе. Похоже, им достаточно их напитков. С другой стороны сидят четыре женщины в возрасте. Отмечаю для себя их хорошую одежду, красивые сумочки. Они смеются и, наверное, пришли сюда что-то отпраздновать, что вероятнее всего означает забавное зрелище и отличные чаевые. Делаю себе мысленную заметку подойти к ним через несколько минут.

Мое внимание привлекает доносящийся с дальнего конца бара хриплый смех, и я замечаю Фреда, несущего несколько стаканов пива группе парней у бильярдного стола. Поняв, что моей помощи тут не нужно, решаю перепроверить свой инвентарь.

Я работаю у Фреда всего месяц и уже выяснила, что тут, впрочем, как и в любом похожем месте, очень легко влиться

в рабочий распорядок. Здесь кругом сверкающие витражи, деревянные панели и кожаные диванчики. И вообще, этот бар в гораздо более хорошем состоянии, чем тот танцевальный клуб, в котором я работала два года во время учебы в колледже. Еще тут полно каких-то мутных типов, но для такой работы это неизбежный недостаток. Не то чтобы я невероятно привлекательная, но у мужчин в голове что-то перещелкивает, когда они видят девушку по ту сторону стойки. В таких случаях даже самые доброжелательные из них в один миг забывают о хороших манерах. Помощников бармена у нас тут нет, так что все приходится делать самой, но Фред – отличный босс, который может даже весело пошутить. Еще он в разы лучше меня умеет общаться с мутными типами. Именно поэтому тех парней у бильярда обслуживает он, а не я.

Обычно я становлюсь дотошной, когда дело доходит до работы, и до начала смены организую все именно так, как нравится мне – нож, два вида пиллеров, мадлер, ручная соковыжималка, фигурный нож, джулеп-стрейнер, барные ложки и мерный стакан. Порядок на столе означает порядок в голове.

В какой-то момент, когда я уже начинаю нарезать фрукты, на стойку облакачивается клиент и просит два «Белых русских» – один со льдом, один без. Я киваю, беру два больших стакана, и тут ко мне сзади подходит Фред.

– Дай знать, если ребяташки будут себя плохо вести, –

говорит он, кивком показывая в сторону бильярдного стола, где стоит компания и с громким улюлюканьем слушает рассказчика.

Высокие, привлекательные и загорелые, они выглядят типичными студентами Калифорнийского университета, которые тут завсегда. На ком-то футболка с принтом, на ком-то классическая рубашка. Смешивая напитки, я поглядываю в их сторону и, судя по росту, телосложению и загару, делаю вывод, что их хобби – водное поло.

Один из них, темноволосый и с такими губами, при взгляде на которые мысли только о сексе, смотрит на меня, не отводя взгляда. Он хорош собой (вообще-то, если честно, они все там хороши), и что-то в нем заставляет меня снова поднять на него взгляд. Я присматриваюсь внимательно и понимаю, что он непостижимо великолепен, но, к сожалению, с явным самолюбием до небес.

Что-то в нем напоминает мне о прошлом, и я тут же теряю интерес, поворачиваюсь к Фреду и, достав из-под стойки стеклянную банку с надписью «Автомобильный фонд», ставлю ее перед ним.

– Думаю, мы оба знаем, что тебе не стоит обо мне беспокоиться, – говорю я, и он, улыбаясь и покачивая головой, бросает взгляд в сторону банки, пока готовит напитки. – Так значит, сегодня мы с тобой тут вдвоем?

– Думаю, да, – отвечает он и ставит два пива на стойку. – В эти выходные никаких больших соревнований нет, так что

будет тихо и малоллюдно. Может, даже успеем сделать пере-
учет.

Я киваю и, закончив с напитками, даю знак подойти, по-
сле чего мою руки и оглядываюсь проверить, не забыла ли я
что-нибудь сделать. Позади меня кто-то покашливает. Обер-
нувшись, я вижу, что нахожусь в полуметре от глаз, которые
всего пару секунд назад смотрели в мою сторону с того кон-
ца бара.

– Чем могу помочь? – с дружелюбной и при этом профес-
сиональной улыбкой вежливо интересуюсь я. Он прищури-
вается. Хоть его взгляд и не скользит по моему телу, у меня
складывается впечатление, что он уже достаточно рассмот-
рел меня и оценил на предмет секса, как это делают боль-
шинство мужчин. По опыту скажу, у них в голове только это
и есть.

– Повторите, пожалуйста, – с неопределенным жестом от-
вечает он.

У него в руке вибрирует телефон, и он что-то быстро пи-
шет в ответ, после чего снова смотрит на меня.

Я достаю поднос. Не знаю, что они заказывали, пока здесь
был Фред, но с легкостью могу догадаться.

– «Хайнекен»? – спрашиваю я.

Он прищуривается и делает вид, что оскорблен, от чего
я смеюсь.

– Ну ладно-ладно, что-нибудь другое, – виновато подняв
руки, говорю я. – Что вы пили?

Присмотревшись к нему, я замечаю, что вблизи он гораздо красивее. Карие глаза обрамлены такими ресницами, при виде которых компании-производители туши отвалили бы приличное состояние, чтобы иметь такую модель. Темные волосы столь мягки и густы, что, я уверена, погрузиться в них пальцами было бы просто *потрясающе*...

Но, думаю, он и сам об этом знает – его уверенность в себе заполняет собой все помещение. Его телефон вибрирует снова, а он, бросив на экран быстрый взгляд, игнорирует сообщение.

– А почему вы предположили мне такую выпивку? – интересуется он.

Я кладу на поднос несколько подставок под бокалы и снова пожимаю плечами, пытаюсь пресечь разговор на корню.

– Просто так.

Но покупаться на это он не собирается. Уголок его рта слегка приподнимается, и он говорит:

– Колись, Ямочка.

Почти в тот же момент я слышу «*Черт возьми!*» от Фреда и с готовностью протягиваю руку, в которую он со шлепком вкладывает хрустящую долларовую купюру. Самодовольно ухмыляясь, я кладу ее в банку.

Проследив за моей рукой, парень возвращает взгляд на меня.

– Ух ты. Здорово!

Прочитав этикетку на банке, он спрашивает:

– «Автомобильный фонд»? Что это?

– Так, ничего, – отвечаю я, жестом показываю на сорта разливного пива и пытаюсь перевести разговор: – Так что вы пили, парни?

– Ты только что заработала доллар, но так ничего и не расскажешь?

Я заправляю выбившуюся прядь за ухо, понимая, что он не сделает заказ, пока я не отвечу.

– Все просто – мне повезло потому, что я уже много раз слышала эти «Ямочка – ямочки», – говорю я. На самом деле причина моей однодолларовой удачи в том, что чаще, чем собственное имя, я слышу про них. На щеках у меня глубокие ямочки, и я бы соврала, не признавшись, что это одновременно самая любимая и нелюбимая черта в моей внешности. Вместе с выгоревшими на солнце прядями моих и без того светлых волос и веснушками они делают меня похожей на типаж так называемой соседской девчонки. Показывая большим пальцем через плечо, я продолжаю: – А Фред не верит, что это происходит так часто, как я ему говорю. И мы решили устроить небольшое пари. Доллар, когда меня называют Ямочкой или упоминают их. Я уже собираюсь купить машину.

– На следующей неделе ставка та же, – где-то позади меня ворчит Фред.

Телефон любопытного парня снова оживает, но на этот раз он на него не отвлекается, даже не проверяет. Вместо

этого засовывает его в задний карман джинсов, смотрит то на меня, то на Фреда и улыбается.

А я чувствую, что мне нужна передышка. Прямо сейчас.

Если до этого я думала, что парень красив, то это было просто ничто по сравнению с тем, как сейчас от улыбки преобразилось его лицо. В глазах загорелись огоньки, и все его высокомерие просто... испарилось. Его кожа чистая и загорелая, и женщины, должно быть, гадают, каким же хайлайтером он пользуется, если, окрашивая румянцем его щеки, она практически светится. Заостренные черты лица смягчаются, а в уголках глаз образуются морщинки. Я понимаю, что это всего лишь улыбка, но не могу решить, что мне нравится больше – полные губы, белые идеальные зубы или то, как один уголок рта приподнимается выше другого. Это заставляет меня хотеть улыбнуться в ответ.

Он крутит перед собой подставку для бокала и продолжает мне улыбаться.

– Выходит, ты не считаешь меня оригинальным, – замечает он.

– Я вообще ничего про тебя не считаю, – ухмыляюсь я в ответ. – Но приходится признать, что ты прав, ведь прямо сейчас я опять заработала на этом деньги.

Он бегло оглядывает мои щеки.

– Эти ямочки просто потрясающие, и я могу себе вообразить куда худший повод прославиться. Никто не назовет тебя Деревянной Ногой или Бородатой Леди.

Нет, этот парень даже не пытается быть милым.

– Ладно, вернемся к пиву, – говорю я. – Бутылочное, разливное?

– А, это как ты говорила... «Хайнекен»? Ну, пожалуйста, расскажи, с чего ты взяла, что я это заказал? Думаю, мое уязвленное самолюбие заслуживает такую малость.

Я бросаю взгляд ему за спину, где его друзья якобы играют в пул, а сейчас в основном пытаются вдарить друг другу киями по яйцам, и решаю ответить честно.

– Как правило – и под «как правило» я подразумеваю «всегда» – у любителей этого напитка чудовищное самомнение и ноль скромности. Им срочно нужно в туалет, едва подходит официантка со счетом, и еще они обычно тащатся по спортивным тачкам.

Парень смеется и кивает.

– Понятно. Это научное исследование?

Его смех звучит даже мило. Еще он подергивает плечами, и так же глуповато, как *хохотушка*.

– Строжайшее и объективное, – отвечаю я. – Сама проводила клинические испытания.

Он сдерживается, чтобы не захохотать еще сильнее.

– Тогда скажу тебе в утешение, что я на самом деле заказывал *не* «Хайнекен», и вообще-то хотел спросить, что у вас есть, потому что мы только что выпили по Стелле, и мне захотелось чего-то более интересного.

Я сразу начинаю перечислять по памяти:

– «Будвайзер», «Стоун ИПА», «Плиний Старший», «Гиннес», «Аллагаш» и «Грин Флэш».

– Начнем с «Плиния», – говорит он, и я стараюсь скрыть, насколько это меня удивляет в профессиональном смысле. Он явно разбирается в пиве, потому что выбрал лучшее из имеющегося.

– Шесть, пожалуйста. Я Люк, кстати. Люк Саттер.

Он протягивает руку, и после некоторого колебания я принимаю ее.

– Приятно познакомиться, Люк.

У него большая ладонь, не слишком мягкая... и очень приятная. Длинные пальцы, чистые ногти и крепкое рукопожатие. Я убираю руку и практически тут же начинаю наливать ему пиво.

– А тебя зовут... – продолжает он, вопросительно произнеся последнее слово.

– С тебя тридцать долларов, – говорю я вместо ответа.

Явно забавляясь, Люк слегка улыбается, после чего достает из кошелька две двадчатки и кладет их на стойку. Берет три стакана и кивает мне, прежде чем отвернуться.

– Я вернусь за остальными, – говорит он и уходит.

Открывается входная дверь, и входят одна за другой участницы какого-то девичника. И в течение следующих трех часов я делаю больше розовых коктейлей с сексуальными названиями, чем в состоянии сосчитать. Поэтому забрал ли оставшееся пиво Люк или кто-то еще, я даже не заметила.

Что, кстати, очень даже хорошо, напоминаю я себе. Ведь если и есть правило, которое я усвоила четко и быстро, то вот оно. Не встречаться с парнями, с которыми познакомилась на работе. Никогда.

А Люк... ну, это только усиливает все возможные причины поставить это правило на первое место.

* * *

Едва уходит последний посетитель, я сразу принимаюсь помогать Фреду все закрыть, потом уезжаю в свою пустую квартиру и там просто валяюсь в постель.

Родители, мягко говоря, не в восторге от моей жизни в Сан-Диего и при каждой встрече осторожно напоминают мне об этом. Они не понимают, зачем мне соседка, если бабуля оставила мне в наследство этот лофт. И хотя здесь я провела большую часть детства, они также не понимают, почему после окончания университета я не продала его и не вернулась домой. Нет, ну что за вариант! Холодный Колорадо вместо солнечного Сан-Диего? Зачем?! И они наверняка не одобряют ежедневный серфинг и ночную работу в баре, в то время как диплом по графическому искусству, ради которого я так вкалывала, пылится без дела.

Ладно, по поводу последнего они правы.

Но прямо сейчас я довольна своей жизнью. Лола беспокоится, что я слишком долго одна... И я действительно дав-

но одна, но вовсе не чувствую себя несчастной. Работать барменом – это забавно, а серфинг для меня значит еще больше. Это часть меня. Я люблю наблюдать, как медленно вздымаются и закручиваются волны, превращаясь в пенные стеклянные цилиндры. Люблю попадать внутрь волны – этого тоннеля, огромного и такого шумного, что в ушах ревет. Люблю ощущать, как солоноватый воздух наполняет мне рот и впрыскивается в легкие. Каждую секунду океан строит замки и разбивает их. Смотреть на это никогда не надоест.

И еще мне нравится падать в кровать, уставшей от того, что стояла на доске весь день и работала на ногах всю ночь, а не потому что сидела за столом, уставившись в монитор компьютера.

Сейчас моя жизнь невероятно хороша.

* * *

Но в начале своей субботней смены у Фреда я чувствую себя разбитой и взвинченной одновременно – ребра болят, а горло продрано кашлем и соленой водой.

Бывают дни, когда океан готов катить на меня свои волны, но сегодня не тот день. Сначала вообще нередко бывали дни, когда волны очень даже ничего, но ни одну я не могла оседлать. Может, вставала либо слишком рано, либо слишком поздно. Я уже давно сбилась со счета, сколько вообще

раз падала и получала доской по спине. До колледжа я каждые каникулы проводила тут, у бабушки, и серфила на пляжах Блэк бич и Винданси, как только мне исполнилось достаточно лет, чтобы иметь силы самой нести доску. А вот сегодня чем дольше я там оставалась, тем сильнее нарастало разочарование, а последней каплей стала неожиданно огромная волна, которая закрутила меня... очень *сильно*.

А вечером снова пришел парень с теми волосами и улыбкой. Люк. Я сразу вспомнила тот его хриловатый голос, которым он вчера представился мне. Сегодня он сидит за столиком со своими друзьями, и я замечаю его, едва только вхожу.

Бар забит под завязку, и, даже сквозь громкую музыку услышав хохот Харлоу, я ощущаю легкую тоску. Как бы мне хотелось посидеть с ними, а не работать. Но, повязав фартук поверх рубашки, я мужественно встаю за стойку.

– Смотрю, у кого-то сегодня плохой день, – замечает Фред, колдуя напоследок над стоящими на подносе «Маргаритами». – Разве не ты говорила, что даже худший день на воде круче всех других замечательных?

Блин. Действительно, так я и говорила. Почему люди напоминают о твоих позитивных заявлениях именно в плохой день?

– Просто все болит и нервы на пределе, – пытаюсь улыбнуться, отвечаю я. – Переживу.

– Тогда ты выбрала удачное место. Шумные выпивающие

люди – идеально для плохого настроения.

В ответ я вымученно улыбаюсь. В этот момент Фред, протянув свою крепкую руку, мягко хлопает меня по щеке.

На стойке ждет целый ряд листков с заказами, и я беру один. Два «Грязных мартини» с дополнительной порцией оливок. Я ставлю на поднос два бокала, насыпаю лед в шейкер. Наливаю вермут, сто граммов джина и немного оливкового рассола. И окончательно включаюсь в присущий моей работе ритм – отмерить, смешать, разлить по бокалам, принести... Эти знакомые движения даже немного радуют и расслабляют.

Но мне по-прежнему беспокойно и я не могу отдышаться, вспоминая, как в те несколько ужасающих секунд думала, что не смогу выбраться на поверхность. Такое случалось уже несколько раз, и хотя умом я понимаю, что все в порядке, трудно перестать вспоминать, что чувствуешь, когда тонешь.

Краем глаза замечаю Люка и, подняв голову, вижу, как он обходит свой столик, что-то набирая в телефоне. «*Так значит, он из тех*», – думаю я, представляя, с каким большим количеством девушек он сейчас переписывается. За их столиком сидит брюнетка, смотрящая на него с явным интересом, и я борюсь с желанием под видом подачи напитков подойти к ней и сказать то, что сильно уменьшит ее потери, посоветовать, чтобы вместо него она лучше обратила внимание на тех ботаников за дальним столиком.

Смешав в шейкере коктейль, я разливаю мутноватую

жидкость по бокалам и, перепроверив заказ, добавляю две шпажки с оливками. Официантка с улыбкой уносит напитки, а я перехожу к следующему, достав бутылку амаретто, и тут же слышу, как кто-то позади меня садится на барный стул.

– Как там автомобильный фонд?

Я сразу же узнаю этот голос.

– Неурожайный день, – не поднимая взгляда, отвечаю я, заканчивая с напитком. – Да и у меня сегодня вообще не лучшее настроение, так что особых надежд я и не питаю.

– Хочешь поговорить об этом? – спрашивает он.

Я поворачиваюсь взглянуть на него. Темно-синяя футболка, все те же идеальные волосы, и он по-прежнему слишком красивый. Такое просто не может в конечном итоге не выйти боком. Не в силах сопротивляться, я едва заметно улыбаюсь.

– Думала, это *моя* профессиональная реплика.

Люк отвечает мне на это приподнятой правой бровью, после чего оглядывается на своих друзей.

– Да, мне тоже кажется, что тебя ждут, – говорю я, заметив, как брюнетка пристально следит за каждым его движением. Он достает из кармана телефон, мельком смотрит на него и возвращает внимание ко мне.

– Они никуда не денутся, – замечает он, и на его губах танцует мимолетная улыбка. – Решил подойти и сам взять себе выпить.

– Что будешь? – спрашиваю я. – Еще пиво?

– Ага, – отвечает он. – И скажи, как тебя зовут. Если толь-

ко не хочешь, чтобы до конца своих дней я называл тебя Ямочкой.

Затем глаза Люка игриво округляются, он шепотом выдает: «*Унс*» и, достав из кармана доллар, опускает его в банку.

– Я заранее подготовился, – говорит он, наблюдая, как я наливаю ему пинту пива ИПА. – Подумал, вдруг ты сегодня работаешь.

Я стараюсь не особо думать о том, что он специально из-за меня принес однодолларовые купюры для этой маленькой игры.

– Меня зовут Лон... – начинаю я, и в этот момент в бар входит Миа, а следом за ней Ансель. Люк поворачивает голову в их сторону, когда я вяло заканчиваю: – ...дон.

Он поворачивается ко мне после паузы, и я замечаю, как его взгляд становится странно напряженным. Люк быстро несколько раз кивает.

– Приятно было официально познакомиться с тобой.

Я почти уверена, что он не расслышал мое имя, но если ему без проблем не знать его, мне так же без проблем не испытывать желания повторять.

За стойку садится другой посетитель и взмахом руки привлекает мое внимание. Я придвигаю к Люку его пиво и улыбаюсь ему, когда он начинает поднимать голову, как только стакан касается его ладони.

– Пять долларов.

Медленно подняв на меня взгляд, он достает кошелек и

говорит:

– Спасибо.

Я подхожу к новому посетителю и краем глаза вижу, как Люк кладет на стойку купюру и возвращается к своим друзьям, не дожидаясь сдачи. Либо он совсем не оставил чаевые, либо оставил, и при том большие.

Придется с сожалением расстаться со своим желанием считать его козлом. Я стопроцентно уверена, который из вариантов там, на столе.

Два виски «Сауэр», четыре коктейля «Голубая Луна» и кувшин «Маргариты». Я снова встаю за кассу. Миа, Ансель и Харлоу рядом со мной ждут Финна, чтобы пойти в кино. Я некоторое время наблюдаю за ними, остро ощущая собственную противоречивость в том, что касается отношений. С одной стороны, я вижу вокруг себя таких счастливых людей – некоторые из них даже *женаты* – и сама хочу так же. С другой стороны, знаю, что пока не готова.

Прошло чуть больше года с тех пор, как мы с Джастином расстались, и я до сих пор помню, каково это – быть в паре, когда все планы должны учитывать пожелания другого человека, и только потом озвучиваться в кругу общих друзей. Конечно, многие мне просто не поверят, но после университетской пахоты и отношений с одним парнем на протяжении этих лет до чего же приятно *ничего* не делать! Я занимаюсь серфингом, работаю, потом иду домой. И имею возможность принимать все свои решения как самостоятельный человек,

а не как часть пары.

Тем не менее в такие дни, как сегодня, я острее чувствую свое одиночество. И дело совсем не в отсутствии секса, а в желании, чтобы кто-то был рядом и смотрел на меня так, будто весь день только меня и ждал. Это про то, чтобы с кем-нибудь отвлечься и посмотреть кино, поболтать и, согревшись теплом тела, уснуть.

Звякает касса, и я закрываю ее, отдав парню его сдачу. Понимаю голову, услышав смех Харлоу, и с удивлением замечаю разговаривающих у туалетов Люка и Миа.

Мы все учились в Калифорнийском университете, так что, учитывая множество школ при университете, я не удивляюсь, что они могут быть знакомы. Хотя это немного смешит, потому что меня не покидает ощущение, будто мне по-прежнему предстоит еще немало узнать о друзьях Лолы.

Я знала, что у Харлоу знаменитые родители, но только недавно до меня дошло, что ее мама – любимая актриса моей мамы еще со времен моего детства.

Я знала, что Миа раньше танцевала, но только недавно узнала о том, что ее будущее было разрушено под колесами грузовика.

Я была в курсе про хорошие отношения Финна с его отцом и братьями, но однажды попала впросак, спросив, что он будет делать на День матери, и узнав, что его мама умерла, когда он еще был маленьким.

Услышав свое имя, я отвлекаюсь от размышлений. Отно-

шу поднос с напитками к столику, и на обратном пути меня ловит Харлоу, притянув в свои энергичные объятия.

– Привет, подруга, – говорит она, оглядывая мое лицо и потянув за прядь волос. – Сто лет тебя не видела. Ты не могла бы намазаться солнцезащитным кремом и перестать уже загорать? Оставь нам, простым смертным, хоть немного шансов покрасоваться. Господи, ты ведь похожа на девушку с обложки «Спортс Иллюстрейтед», выпуска про спортивные купальники. Да чтоб тебя и твои обалденные веснушки!

– Буду брать тебя с собой повсюду, станешь моим постоянным стимулятором самооценки, – с широкой улыбкой обещаю я.

– Можешь сделать перерыв и сходить с нами в кино?

Мотаю головой, и она тут же дуется.

– Сегодня только я, Фред и одна официантка. А придет еще какая-то команда, – поясняю я.

– Может, тогда на следующих выходных? Тут будут все трое Робертсов.

Я киваю, воодушевленная идеей провести веселый вечер в большой компании, и обещаю посмотреть, что у меня с расписанием.

Ее муж Финн, в прошлом занимавшийся рыболовным бизнесом, сейчас восходящая секси-звезда реалити-шоу «Рыбаки», в котором участвуют его младшие братья, он сам и их отец.

Брови Харлоу медленно приподнимаются, и я тут же по-

нимаю свою ошибку. Хотя я и знаю ее всего девять месяцев, но о ее способностях вмешиваться в чужую жизнь ходят легенды.

– Может, ты и Леви...

Я уже ускоренно ищу возможность прекратить разговор.

– Нет. *Nem!* – отвечаю я и, обернувшись в сторону бара, замечаю несколько ждущих посетителей. – Сейчас мне пора, мисс Сваха, но я напишу тебе завтра и скажу, смогу ли.

Кивнув, Харлоу разворачивается в сторону столика.

– Ладно-ладно, упрямая ты моя! – кричит она мне вслед.

Вернувшись за стойку, я вижу, что Фред наливает несколько сортов пива и параллельно разговаривает с завсегдатаями. А с краю в одиночестве сидит Люк.

Он выглядит... хм, да, он выглядит расстроенным, и думаю, у него на лице не часто бывает такое серьезное выражение. Хотя, конечно, я почти ничего не знаю об этом парне, кроме того, что на него без конца глазают девки, плюс, если с ним не заговорить, он выглядит совершеннейшим козлом, и еще у него в день входящих смс-сок больше, чем у меня за всю неделю. Но что я могу знать на самом деле?

Я оглядываюсь на Миа, Ансея и Харлоу и вижу, как они собирают вещи и идут к выходу, где их уже ждет Финн.

– Ты как тут? – спрашиваю я, достав из-под стойки стопку.

Он кивает в ответ и сладко улыбается, как только поднимает на меня взгляд. Вся его серьезность исчезает, а я инстинктивно отворачиваюсь и погружаю в контейнер со льдом

СОВОК.

– Просто слишком задумался, – говорит он. – Кажется, бар идеальное для этого место.

Я киваю. И, понимая, что он явно ждет от меня еще каких-то слов, отвечаю:

– Если хочется поразмышлять, лучше места и не найти. Плохие оценки. Потеря работы. Проблемы с деньгами. Первая любовь.

Он ловит мой взгляд.

– Знаешь по собственному опыту?

– Ага, – налив ему виски, отвечаю я. Несмотря на его улыбочивость, он выглядит нуждающимся в выпивке. – По опыту *бармена*. Может, тебе просто нужно отвлечься?

Глянув ему за спину, замечаю, что среди его друзей сидит все та же брюнетка и по-прежнему не сводит с него глаз. Проследив за моим взглядом, он снова поворачивается ко мне, слегка качнув головой. Затем снова берет стопку и, запрокинув голову, залпом выпивает. Ставит ее на стол и, кашлянув, говорит:

– Спасибо.

– Не за что.

– Что насчет тебя? – спрашивает он.

Сделав шаг к раковине, я ставлю в нее стакан.

– А что со мной?

– Это тебе нужно отвлечься!

Чувствую, как что-то кольнуло меня изнутри, но выдаю

дружелюбную улыбку и заверяю, что у меня все хорошо.

Склонив голову, Люк смотрит на меня из-под ресниц.

– Что ты имеешь в виду под «хорошо»?

Взяв полотенце, я отвечаю, глядя ему в глаза:

– Я не встречаюсь с парнями, с которыми познакомилась на работе.

– А я и не говорил про постоянные отношения, Ямочка, – хитро улыбнувшись, он выуживает из кармана доллар и кладет его в мою банку.

Его взгляд встречается с моим, и я тут же ощущаю напряжение где-то под нижней границей ребер. Его взгляд – *понимающий*, будто он знает о моем дерьмовом дне и дает мне понять, что и его день тоже был дерьмовым. И словно ему нравится, что мы оба это знаем.

Мне не нравится это влечение между нами. Не нравится эта безмолвная связь.

Или, может, не нравится то, *насколько сильно* на самом деле все это нравится. Я все еще ощущаю утреннее удушье, но чем дольше он здесь и разговаривает со мной, тем быстрее оно необъяснимым образом ослабевает.

– И кстати, – тихо говорит он, – сегодня вечером я редко вижу твои ямочки.

Пожав плечами, я отвечаю:

– Давай просто сойдемся на том, что у меня был плохой день.

Опираясь локтями на барную стойку, он изучает меня

ВЗГЛЯДОМ.

– Похоже, тебе нужно слегка выпустить пар.

Я издаю смешок, не в силах спорить.

– Действительно похоже.

Придвинув к себе подставку под стакан, он неторопливо вращает ее пальцем.

– Может, когда-нибудь я смог бы тебе с этим помочь.

Проигнорировав его, я начинаю протирать стойку. Мне далеко не впервые делают подобные предложения на работе, но в первый раз я испытываю желание его принять, потому что внутри меня все вибрирует, когда в голове рисуются картинки того, что именно он предлагает.

– У тебя есть парень? – не собираясь отступить, спрашивает он. Я отрицательно качаю головой и отвечаю: «Нет». Если то, как смотрятся его руки в этой футболке, счесть намеком, готова поспорить, что раздетый он выглядит просто фантастически. Уверена, он и сам это знает.

А вот эти разговоры с самой собой – верный признак долгого отсутствия секса. И что мне ну прямо совсем не нужно в своей жизни – так это такой парень, как Люк. Резко вдохнув, я делаю шаг назад, нуждаясь в физической дистанции. Не отрывая от меня взгляда, он спрашивает:

– И что, ты действительно придерживаешься правила «не встречаться с посетителями»?

– Типа того.

Сложив полотенце, я засовываю его за пояс фартука сзади

и поднимаю на него взгляд.

– А если я скажу, что очень даже того стою?

И почему я даже не сомневаюсь, что он прав? Несмотря на застенчивость его улыбки, в медово-карих глазах по-прежнему сверкает обольщение.

– Уверена, ты потрясающий, – я облакачиваюсь на раковину и смотрю на него в упор, удивляясь сама себе, – но я даже не помню твое имя.

– Еще как помнишь.

Подавшись вперед, он кладет скрещенные руки на отполированную деревянную стойку. Я сдерживаю улыбку.

– Во сколько ты сегодня заканчиваешь? – интересуется он.

Я не могу смотреть на его губы и не представлять, как это будет ощущаться, когда они скользнут, такие горячие и открытые, по моей шее, груди и ребрам.

Тут мне приходит в голову, что если кое-кому хочется покончить с полосой неудач, то стоит сделать так, чтобы уж наверняка, разве нет? И кто лучше поможет завершить мою сексуальную засуху, как не тот, кто точно знает, что делает? И кому не нужно, чтобы это означало нечто большее?

Между нами повисает молчание, после чего я наконец выпрямляюсь и беру очередной листок с заказом, принесенным официанткой. Сейчас или никогда.

– В час, – говорю я.

Глава 2. Люк

Еще даже не поняв, чем отличается эта девушка от других, которых я приводил к себе домой, я с удивлением обнаружил, что буквально взлетаю по ступенькам, чтобы, добравшись до двери вперед нее, быстро осмотреть гостиную и мельком заглянуть на кухню.

В целом неплохо.

Никаких остатков еды на кофейном столике и – что еще важнее – никаких трусов на кухонном полу. Мысленно отсалютировал всем богам, чтобы они были со мной заодно и чтобы в спальне не валялось ни одной обертки от презерватива. И в ванной, если уж на то пошло.

Открываю для нее дверь пошире и улыбаюсь:

– Заходи.

Взглянув на меня, Логан делает осторожный шаг в темную комнату. Обойдя ее, я включаю свет в гостиной.

И вот оно, это отличие. Часто девушки входят ко мне в дом спиной вперед, вцепившись руками мне в рубашку. Они делают несколько шагов, не отрывая от меня взгляда, словно ожидая моей безмолвной команды: «Спальня там». А эта входит и смотрит на все вокруг так же, как смотрит и на *меня*: словно не уверена, хочет ли на самом деле прикоснуться.

Я уже угадываю ее мысли, прежде чем она облекает их в слова:

– Честно говоря, не совсем понимаю, зачем я здесь.

Делаю шаг назад. Но в моем ответе сомнений не звучит:

– Для всего, что тебе захочется.

Хотя мысленно издаю страдальческий стон: сегодняшний день был слишком длинным и полным драм. Хочется забиться в быстром сексе, а не заниматься долгими соблазнами.

Словно уже отказавшись от плана А, мой желудок урчит, и я бросаю взгляд в сторону кухни.

– Ты голодная?

Она пожимает плечами:

– Чуть-чуть.

– У меня тут есть... – начинаю я, затем, подойдя к холодильнику, открываю его и изучаю содержимое: – Пиво. Тортилья. Шрирача. Сельдерей, пепперони и...

Заглянув в ящик, добавляю: «Соленый сыр».

Оборачиваюсь в ответ на ее молчание и встречаюсь с насмешливым взглядом. Очерчиваю в воздухе круг в ее сторону и спрашиваю:

– Это что еще за лицо?

– Понятия не имею, какое у меня лицо, – слегка улыбнувшись, отвечает она и возвращает лицу нейтральное выражение.

Я облакачиваюсь рукой на открытую дверь.

– Тогда скажи, о чем думаешь.

Ее брови немного приподнимаются, будто ей нужно под-

тверждение, действительно ли я хочу это услышать. Когда я киваю, она говорит:

– Ты так полон штампов, что больше уже некуда.

Я издаю смешок:

– Да неужели?

Ее откровенность сбивает с ног:

– Ты адски сексуален. Зайдя, тут же глянул убедиться, не оставила ли на диване свое белье последняя побывавшая тут девушка. И у тебя типично холостяцкое содержимое холодильника.

Добавляю *наблюдательность* в список интригующих меня черт этой девушки и, пожав плечами, мельком улыбаюсь ей:

– Просто редко ем дома.

Она отвечает на мои недомолвки маленькой ухмылочкой.

– Но если все это связать воедино, думаю, ты хорош в постели, и у тебя огромный пенис.

Улыбнувшись, я сдерживаю смех так долго, как только могу, но в итоге не выдерживаю и хохочу. В ответ она тоже улыбается, уже по-настоящему, без ухмылок, и это настолько неожиданно, что ощущается, будто дали пыльным мешком по голове. От секси-улыбочек твердеет член, но ее улыбка – не сексуальная. Она счастливая. И дело не только в ямочках. Глаза поблескивают, и это веселее, чем кажется на первый взгляд. Я и не думал, что настоящая улыбка – всегда про счастье, но ее улыбки – самые счастливые из всех когда-либо

виденных...

Потерев рукой лицо, я делаю шаг к ней, стараясь не обращать внимание на напряжение внутри, и провожу пальцами по выбившейся из хвоста пряди волос. Заправив ее ей за ухо, я шепчу:

– Слушай, Логан...

Она скептически прищуривается и сдерживает ухмылку. Я гадаю, не спросить ли ее об этом, но видеть ее тут, вдали от тусклого цветного освещения бара Фреда – обезоруживающе. Там она выглядела чуть строже: за фасадом поддразнивающей улыбки скрывалась настороженность. А сейчас я вижу, что ее глаза не просто голубые – вокруг радужки темно-синяя, а внутри ярко-бирюзовая кайма, а нос усыпан мелкими веснушками.

Покусывая уголок губы, она снова оглядывает мою гостиную.

Елки-палки, она что, девственница?

Должен ли я уточнить?

Ну нет. На ней крутые тяжелые ботинки и короткая клетчатая юбочка, и я не рискну схлопотать стальным мыском по голени или по кое-чему еще более важному.

– Если хочешь развлечься, я за, – предлагаю я. – Ты красивая и милая, а твой рот как конфетка, – столь же быстро продолжаю свою речь, не сводя глаз с ее губ, но практически уверен, что в ответ она закатит глаза. Логан производит до странного двойственное впечатление: несгибаемая внешне,

но настойчиво наводящая на мысль, что с ней нужно обращаться бережно.

– Или, – продолжаю я, сделав шаг назад, – мы можем заказать пиццу и сыграть в Titanfall на Xbox.

Думаю, она отвергнет это предложение, потому что трудно даже представить, чтобы такая сексуальная девушка хотя бы слышала о Titanfall.

И уж совсем неожиданно для меня ее глаза загораются, и, прежде чем вернуть на лицо нейтральное выражение, она снова оглядывает гостиную. Кажется, я сильно в ней ошибся.

Разувшись, возвращаюсь на кухню, беру две бутылки пива и киваю в сторону гостиной и приглашаю:

– Пойдем.

Улыбаясь, она немного нерешительно подходит и устраивается рядом со мной на диване. Вижу, как она берет в руку геймпад и умело скользит большим пальцем по маленькому джойстику.

– Тебя не смутит, если я надеру тебе задницу? – спрашивает она.

Я качаю головой и с улыбкой запускаю игру.

– Не-а. Моя бабушка на прошлой неделе мощно меня отделала, и уверен, она бы повеселилась, узнав, что меня победил девчонка.

Чувствую ее взгляд у себя на лице, когда кликаю на главное меню. А повернувшись, замечаю ее ямочки от широкой улыбки.

– Это мило.

– Мило, что меня в шутере сделала бабушка? – подыгрываю я. Мне так и хочется рассказать ей, как на мой двадцать первый день рождения бабуля отправила меня в Вегас и даже одобрила татуировки, но взяла с меня обещание не снимать проституток. А когда я ответил ей, что мне вообще-то нет нужды платить за секс, треснула мне по затылку.

– Ну да, – соглашается Логан и поворачивается к экрану. – Кстати, сколько тебе? Двадцать два?

– Двадцать три. В октябре будет двадцать четыре.

– *Ми-ми-ми*, – она слегка треплет меня за щеку. – Мой двоюродный брат тоже всегда уточняет, что ему не просто одиннадцать, а с половиной.

– А ты шутница.

Ее смех отзывается вибрацией у меня внутри.

– Значит, *почти* двадцать четыре, – замечает она. – Может, уже пора заканчивать с видеоиграми?

Я кивком показываю на ее руки.

– Тебе-то самой, смотрю, вполне привычно с геймпадом в руках, острячка.

Логан пожимает плечами и снова смотрит на меня.

– Давай просто остановимся на том, что я провела с тем, что у меня в руках, куда больше времени, нежели с чем-то подобным, – кивает она в сторону моих бедер, и я кашляю, чуть не захлебнувшись пивом. Повернувшись к телевизору, она хохочет, показывая на экран. – Боже, только не говори

мне, – это ты!

Подмигнув, я отвечаю:

– Кажется, с этим мы уже разобрались.

Логан качает головой, но не выглядит раздраженной. У нее порозовели щеки – это заметно даже в тусклом свете экрана телевизора; она сидит всего в десятке сантиметров от меня.

Она присоединяется к игре, и мы выбираем себе Пилотов. Только после того, как игра полностью загрузилась и нас перебросило на карту, я понимаю, что еще никогда не играл с девушкой, не считая моей сестры Марго, которая просто невыносима. Я неплохо освоил навыки бега по стенам, прыжков и всего прочего, но все еще стараюсь научиться легко управлять Титаном и выучить кое-что из тактических примочек. У сидящей рядом со мной Логан, кажется, с этим проблем нет; начинаю думать, что она профи.

Она не особо разговорчивая. Милая, но не из тех, кто без конца хихикает. И явно не пытается меня впечатлить. Хотя уже почти надрала мне задницу. Несмотря на это между нами есть какая-то легкость. Тишину нарушают только звуки стрельбы в игре и наша ругань в случае удачи или расстройств.

– Бери снайперскую винтовку! – кричит она, хотя сидит совсем рядом.

Мы оба большими пальцами колотим по геймпадам.

– Нет, мне больше нравится МК5.

– Слушай, ты стреляешь без разбору, сейчас и меня заденешь, просто будь поточнее хотя бы пару чертовых секунд!

Я с хохотом переключаюсь на винтовку и в несколько выстрелов убиваю Огра, расчищая себе путь вперед.

– Скажи, что я была права, – нараспев замечает она.

– Ты была... Да блин. *Какого...* – ору я. Под шквальным огнем пулеметов вражеской команды мой Пилот погибает. – Этот-то откуда взялся?

Она жмет на паузу.

– Ого. А тебя ненадолго хватило, – подмечает она, нажимая на паузу. В ее глазах сверкает веселье, а на губах играет насмешливая ухмылка.

Логан абсолютно легко и просто отпускает шуточки и недомолвки про секс и про то, зачем мы оба сейчас тут, но складывается впечатление, что она не сможет сделать первый шаг.

– Могу я задать тебе вопрос? – спрашиваю я.

Она тянется за своим пивом.

– Имеешь в виду, еще один?

Я смотрю на нее с бесстрастным выражением на лице.

Снова нацепив эту поддразнивающую улыбочку (эти чертovy ямочки просто плавают меня изнутри), она говорит:

– Ладно, хорошо. При условии, что ты не расстроишься, если я не стану отвечать.

– Почему ты ушла сегодня со мной? Рискую показаться полным придурком, но сама ведь сказала, что не в твоих пра-

вилах приходиться домой к посетителям бара, а вот сейчас ты здесь.

– Все верно, – быстро, но тихо говорит она. – Я такого не делаю.

Она так и не ответила на главный вопрос, но ее ответ меня удивляет.

– *Никогда?*

Она качает головой. Любопытно. Это все, что я получу в ответ? Она молчит, но выглядит так, будто еще обдумывает мой вопрос. Наконец, поджав ногу под себя, она поворачивается ко мне лицом.

– Позволь и мне задать тебе вопрос, – просит она.

Приподняв подбородок и слегка кивнув, я делаю глоток пива и жду.

– *Ты* часто это делаешь? – спрашивает она и жестом показывает на всю комнату. Впрочем, совершенно ясно, что говорит она совсем не про видеоигры.

Я быстро пробегаюсь по памяти. За последние два месяца где-то десять девушек. Ей это может показаться слишком много.

– Ну... не каждую ночь, конечно, но да, периодически.

– Почему?

Почему? Что за идиотский вопрос! Почему я занимаюсь сексом? Она вообще серьезно?

Я изучаю ее взглядом, эти искрящиеся голубые глаза, вглядывающиеся в мое лицо и ждущие ответа. Разве так бы-

вает, чтобы кто-то был настолько невинен и проникателен одновременно?

Честно говоря, меня уже спрашивали об этом, несколько раз и в разных вариациях. Обычно девушки это делают в постели, до или после секса, стараясь сохранить непринужденный тон.

У тебя в постели, наверное, побывало немало девушек.

Когда ты в последний раз приводил кого-то домой?

Надеюсь, ты понимаешь, что обычно я так себя не веду.

А с тобой все по-другому, Люк.

Но мне еще не задавали такой вопрос в ходе светской беседы, когда все одеты и просто сидят на диване. И когда на меня смотрят ясные глаза, причем ни капли не осуждающие. Ощущение, будто Логан только хочет понять.

– Я сейчас не гожусь на что-то большее, – отвечаю я. – Не в смысле, что боюсь обязательств и тому подобной хрени. Я был когда-то влюблен и не уверен, что способен на это снова.

Она издаст смешок, кивает и подносит свое пиво к губам.

– По крайней мере, – продолжаю я, – не сейчас, когда я работаю как сумасшедший.

Это звучит просто нелепо, я и сам это слышу. *Все* работают как сумасшедшие. И все по уши в делах, когда молоды.

– Но тем не менее я – парень. Люблю секс. Люблю женщин. Ты такой степени откровенности ожидала?

Она кивает.

– Тогда твоя очередь, – говорю я.

В груди оживает что-то давно позабытое. Прошла целая вечность с тех пор, когда я так – искренне и открыто – разговаривал с кем-то помимо своих родных, и уже не помню, до чего же при этом хорошо.

Она снова делает большой глоток пива, прежде чем ответить. Я в этот момент не свожу глаз с ее горла. Шея длинная, со светлой и гладкой кожей.

– Я пошла с тобой, потому что меня этим утром закрутила волна.

Она занимается серфингом... Это, безусловно, объясняет ее тело.

– Меня давно так не швыряло, – продолжает она, глядя на бутылку в своей руке. – И я забыла, как это страшно. В первую половину утра я все никак не могла поймать хорошую волну. А потом накатила одна такая и чуть не стерла меня в порошок. Целый день я была напряжена и не в своей тарелке. Но раньше мне и в голову не приходило снимать напряжение с помощью секса. А сегодня я подумала: а почему бы и нет?

– Почему бы и нет? – повторяю я и чувствую, как мой пульс ускоряется настолько быстро, что это кажется невозможным.

Она кивает, но теперь смотрит на мои губы.

– Все, что захочешь, ладно? – напоминаю я ей.

Я вижу, как медленно, очень медленно в ее глазах одна эмоция сменяет другую – неуверенность, страх, желание, ре-

шительность, и, подавшись вперед, она слегка прикасается к моим губам своими. Они мягкие, словно шелк.

– Мы будем заниматься этим только сегодня, – говорит она, отодвигаясь на несколько сантиметров, чтобы посмотреть мне в глаза. Ее слова совсем не похожи на те, что говорят другие девушки. Она не волнуется, не попадает в ловушку желания большего. Зато беспокоится, что я попаду. Ее ямочки становятся такими глубокими, когда, улыбнувшись, она продолжает: – Так что не забудь продемонстрировать мне все свое мастерство.

Не отрываясь от ее губ, я смеюсь.

– Да, мэм.

– И даже не вздумай потом заявиться в бар, ожидая, что я отстрочу тебе минет на парковке, – у моих губ предупреждает она. – Я не из таких.

Ну вот. Я был прав.

Немного отодвинувшись, я отсалютировал ей двумя пальцами.

– Вас понял.

Не церемонясь, она хватается за низ моей рубашки и помогает снять ее через голову. У нее теплые и мягкие руки, но не уверенные. Сначала пальцами, а потом ладонями она поглаживает мою кожу. Она исследует, будто прошло немало времени, с тех пор как она это делала, и уже забыла, как ощущается кожа. У нее ногти как раз той длины, чтобы можно было мягко поцарапать грудь и спуститься вниз к животу,

после чего она принимается за пуговицу моих джинсов.

Эй, сбавь обороты. И так уже здорово.

Я отодвигаюсь за пределы ее досягаемости, достаю из кармана презерватив и кладу его рядом с ее бедром.

– Хочешь, пойдём в мою комнату?

– И тут неплохо, – заверяет она, мотая головой, притягивает меня ближе и, прежде чем я успеваю ее остановить, стаскивает с меня джинсы и боксеры. – Ты живёшь один?

Спихнув штаны на пол, я отвечаю, прижавшись губами к ее рту:

– Ты раздела меня прямо на диване, так что остается только надеяться.

Я чувствую ее хихиканье, когда наклоняюсь оставить поцасывающий поцелуй у нее на шее, одновременно с этим ловко уклоняясь от ее рук. Я еще не хочу, чтобы она прикасалась к моему члену, никто из нас еще толком не готов к этому. Да и потом, к чему такая спешка? Всего за пять минут разворот на сто восемьдесят градусов. Она больше ни капли не сомневается. Интересно, а она во всем такая – осторожная поначалу, а потом без оглядки устремляющаяся вперед? Даже если так, в ней чувствуется легкая отстраненность, будто она мысленно с чем-то сверяется, вместо того чтобы погрузиться в происходящее. Это странно.

Обычно я ощущаю неистовую жажду связи – с непременным контактом глаз, чередой тихих вопросов и поцелуев, которые ощущаются выболтанными секретами. Наличие такой

жажды означает, что я могу выбирать, как много из этого я хочу. Но Логан не ищет этой связи; она парадоксальным образом хочет и покончить с происходящим, и быть им же поглощенной.

Странным образом это напоминает мне о том, как однажды нас с родителями в Скалистых горах застала снежная буря: мама радостно восхищалась ее красотой, а папа был сосредоточен на том, как безопасно вывести нас оттуда. Моя задача сейчас – направлять нас обоих.

Она подталкивает мои руки к своей рубашке и закрывает глаза, когда я, целуя ее, расстегиваю пуговицы. Она пахнет апельсинами и девичьей сладостью.

Стаскиваю рубашку с ее плеч, тяну вниз по рукам и расстегиваю бюстгальтер. Черт, у нее красивые груди. Они больше, чем мои ладони. Я скольжу взглядом по плоскому упругому животу. У нее тело девушки, которая без особого стеснения катается на доске в одном бикини: загорелое, с нужными изгибами и хорошими мышцами. Я хочу забыться в ней, хочу ощутить ее облегчение, почувствовать необходимость сокрушить ее способность все контролировать. В кои-то веки мне хочется подольше остаться в постели, не гасить свет и болтать всякую чепуху, целуя ее идеальное тело.

Но я чувствую, как напрягается ее живот, как она просто хочет двигаться вперед и, не останавливаясь, получить то, чего хочет.

Так вот, значит, как чувствуют себя со мной женщины,

когда я рассеян и нуждаюсь только в сексе?

Наклонившись, целую ее подбородок, губы, раскрывая их своими. Ко мне в рот ныряет ее маленький и мягкий язычок. Подразнивая меня легким ароматом пива, она по-прежнему пахнет апельсинами. Представляю, как она берет один в баре и, задумавшись о чем-то, мастерски выдавливает из него сок, а потом добавляет в напитки.

– Давай, – шепчу я, посасывая ее нижнюю губу. *Прояви себя как-нибудь.* – Потрогай меня, – она проводит языком по моей верхней губе и сдавленно всхлипывает. – Нет ничего странного в том, чтобы хотеть это. И я тоже хочу. Ты не делаешь сейчас ничего предосудительного.

Она неуверенно обнимает меня за шею одной рукой, раздвигает ноги и притягивает меня к себе,

давай

ближе

да-а-а.

Я чувствую, как, отдаваясь процессу, она становится податливее подо мной. Одной рукой поглаживая меня по лицу, другой она обхватывает член. От ее прикосновения он становится еще тверже. Я вдыхаю ее сладкий цитрусовый аромат и наклоняю голову, чтобы втянуть в рот мягкий сосок, а когда он твердеет от касаний моего языка, не могу сдержать стон.

Я начинаю стаскивать с нее юбку.

– Ох, блин, – произносит она, закрывая рот рукой и сме-

ясь.

Замерев, я смотрю на нее. Черт возьми – ну конечно же, сейчас окажется, что она только что вспомнила о своих месячных.

– Что такое? – как можно спокойнее спрашиваю я.

В ее широко раскрытых голубых глазах – игривая просьба об извинении.

– Я не брила ноги... какое-то время.

Я выдыхаю, а от облегчения мои руки становятся неуклюжими, когда наконец снимают с нее юбку.

– Не беспокойся. Я тоже.

Она хихикает, а когда я смотрю на нее, она меня просто потрясает. Замерев под моим взглядом, позволяет оглядеть ее с ног до головы. Может, у нее и небритые ноги, но это не заметно. Достаточно сказать, что Логан – натуральная блондинка, и все остальные, обычно прикрытые бикини части ее тела заставляют меня изойти слюной.

Только оказавшись над ней, расположившись между ее бедер, замечаю, насколько она расслаблена, лежа обнаженной передо мной. Я готов оценить в полной мере – для Ямочки сейчас никого не существует, кроме нее самой.

Большинство девушек *не* приходят ко мне домой исключительно ради собственного удовольствия. Как бы ни убеждали в обратном, они хотят отношений со мной, обожания. Им хочется, чтобы я захотел чего-то большего с ними, помимо одной ночи. Чтобы они *понравились* мне за пределами

спальни.

Но Логан, похоже, не сильно волнует, что я про нее подумую, или даже увидимся ли мы с ней снова. Она *использует* меня.

Я ощущаю острую боль от собственной ненужности и тепло уважения к ней одновременно. Она начинает покусывать свою сладкую нижнюю губу.

– Все в порядке?

Закрыв глаза, я делаю глубокий вдох и выдох.

– Просто смотрю на тебя, – отвечаю я. – Ты... – *ты меня удивила*. – Ты потрясающе красивая.

Она даже не благодарит меня. Она вообще никак не реагирует, только смотрит на меня из-под отяжелевших век.

Провожу рукой по ее груди – полной и с маленькими розовыми сосками – и спускаюсь к упругому животу. Она всем телом подается навстречу моим прикосновениям.

– Можно я поцелую тебя здесь? – спрашиваю я, пальцами едва касаясь ее между ног. Она там мягкая и достаточно влажная, чтобы искушать меня, но все же еще недостаточно, чтобы я был уверен, что она взорвется бомбой, как я того и хочу.

Она слегка качает головой и широко улыбается:

– Нет уж, сэр. Это нечто особенное.

Блин. Это действительно особенное, и меня очень будоражит, что она так к этому относится. Но теперь я чувствую легкое расстройство: чем больше времени я с ней провожу,

тем больше хочу, чтобы эта ночь вынесла к чертям ей мозг. Если говорить языком кино, то я ей покажу, кто тут в конце концов Крестный отец.

Она на ощупь находит на подушке рядом с собой презерватив и протягивает его мне.

– Думал, ты хотела, чтобы я продемонстрировал тебе все свое мастерство, – подшучиваю я.

Она издает смешок, но улыбаться не перестает.

– Просто иди сюда.

Покачав головой, я отвечаю:

– Раз уж мы пропускаем прелюдию, хотя бы сама надень его.

Мило закатив глаза, она приподнимается на локте и разрывает зубами обертку. Медленно, очень медленно она раскатывает его по моей длине, а я, прикусив губу, издаю стон.

Увидев ее обнаженной... попробовав на вкус ее язычок... ощутив обхват ее теплой руки у себя на члене, я готов переходить к последнему этапу, но она не спешит убрать от меня руки. Она трогает член, яйца, бедра, живот. На *этот* раз делает это намеренно – наслаждается. Исследует кончиками пальцев, нежно щекочет грудь и, обхватив меня за затылок, притягивает к себе.

– Иди сюда, – снова говорит она шепотом, целуя мой подбородок, щеку, шею.

Может, все же зря я отдал инициативу ей? За своей броней и цинизмом она кажется ранимой, но я не хочу сейчас

вести. Взяв меня в руку, она круговыми движениями потирает головкой клитор. Опершись на руки по обе стороны от ее головы, я чувствую, как они начинают дрожать. Она хочет управлять процессом, хочет, чтобы я не двигался и не мешал ей. Хочет использовать меня и сделать себе хорошо. Каждый мускул у меня на спине напряжен, из головы улетучились все мысли, – есть только ощущения ее кожи. И это сногшибенные ощущения. Я смотрю ей в лицо и среди миллиона эмоций вижу напряжение и расслабленность одновременно. Еще ни разу я не был так заморожен, имея возможность лицедреть, как кто-то уступает своим желаниям.

Наконец она ведет меня ниже. Я чувствую это погружение и, следуя ее приглашению, немного подаюсь вперед.

Логан задерживает дыхание, но не произносит ни звука. А мне хочется орать. Она теплая – теплая до безумия – и сейчас еще более влажная. Я продвигаюсь вперед, понемногу подаваясь вперед и назад, потому что она такая маленькая, и я боюсь ей сделать ей больно, но она обхватывает меня за ягодицы и притягивает ближе, покачивая бедрами, чтобы взять меня глубже и как можно больше.

Погрузившись полностью, я не могу сдержать стон, но она молчит. Не издает ни звука, даже стиснув меня изнутри. Когда она так сжимает меня, как ей удастся оставаться тихой? Покачивая бедрами, я наклоняюсь ртом к ее шее и грудям. Ощущаю себя ненасытным и сорвавшимся с цепи.

Я мог бы забыться. Мог бы просто ритмично и жестко ко-

лебаться.

Но боже, когда она приподнимает подо мной свои бедра, я знаю, что могу и не спеша.

Какого бы черта она ни хотела, ощущения кожа к коже невероятно хороши, особенно когда ее груди прижимаются к моей груди.

– Ты как? – тихо спрашиваю я.

Сглотнув, она кивает.

– Хорошо м...

Со стоном я выхожу и снова погружаюсь.

Медленное скольжение наружу и долгое проникновение внутрь.

Она хороша.

И запах ее хорош.

Руки блуждают по моей спине, от поясницы до шеи.

Логан ведет себя тихо, но очевидно, что происходящее ей нравится. Я чувствую это по тому, как она пальцами погружается мне в волосы, как приподнимает бедра мне навстречу, как затвердели ее соски. У нее раньше уже был классный секс, поэтому Логан знает, что необходимо ее телу. Она хочет глубже, хочет, чтобы я, входя в нее, подкручивал бедрами и потирался внутри. И она больше не стесняется, когда дело дошло до дела. Наоборот – берет все, что ей нужно.

Женщины иногда говорят во время секса. Бывает, что и я тоже. Но сейчас единственные звуки, которые мы издаем, –

это шумное дыхание. И еще раздаются шлепки от соприкосновения тел. А начав двигаться сильнее и жестче, я ускоряю ритм наших вдохов. Ее грудь колыхается подо мной, бедра приподнимаются. Она объезжает меня снизу, показывая мне скорость, которая ей необходима.

Из-за того, что она не издает ни звука, ее оргазм – полная неожиданность для меня; он приходит сбивающей с ног волной. И, услышав вдруг звук, который она наконец все-таки издает – сдавленный полный облегчения вскрик – я схожу с ума: мне нужно услышать его еще и еще.

Я вколачиваюсь в нее, пока она, кажется, не обессиливает подо мной, а потом спускаюсь на пол и усаживаю ее на себя.

– *Возьми*, – шепчу я и надеюсь, что она понимает. Хочу дать ей сегодня каждую каплю удовольствия.

По сиянию ее глаз, когда она на меня смотрит, я вижу, насколько ей это нужно. Она любит секс. Имею в виду... Да черт возьми, почему бы женщине с таким уровнем опыта и чувственности не совокупляться когда и как ей вздумается? Она начинает двигать бедрами, объезжая меня, а потом с еще одним вскриком снова приближает сама себя к этой критической точке. Ее кожа блестит от пота, пальцы хватают и впиваются мне в грудь и шею. Мне почти больно. *На этот раз будет еще лучше*, – говорит ее тело. – *Больше. Продолжительнее. Сильнее.*

– *О черт*, – выдыхает она, и вот – *да, да*, – вот оно. Это безумно, сильно, мокро – она такая обалденно мокрая во-

круг меня, насаживающаяся все резче на мой член. Я со стоном сдерживаюсь, чтобы не дать своему телу то, что оно хочет: кончить так же сильно, до звездочек в глазах. Но знаю – мы еще не закончили.

Я ловлю себя на том, что плююсь на гладкий изгиб ее шеи и изящные ключицы, когда она успокаивается и замедляется. Рассматриваю ее часто вздымающуюся грудь, пока она ловит ртом воздух. Она полностью отдалась происходящему. И *мне*. В этот идеальный момент она доверилась мне.

Она красивая, умная и немного настороженная, но все-таки она здесь и позволила мне почувствовать ее. Я хочу заслуживать этого. А еще я боюсь, что даже кончив бешено и сильно, все равно останусь неудовлетворенным, ведь того немного, что она позволила попробовать, мне недостаточно.

– Хорошо? – удается проговорить мне, когда я провожу ладонями по ее талии и вверх, чтобы обхватить грудь. Она с усилием поднимает голову и смотрит на меня жадными глазами.

– Хочу тебя сзади, – говорит она.

Я тут же поднимаю ее с себя, ставлю на колени и вхожу сзади, не в состоянии сдержать долгий и низкий стон.

Балдею от вида линий мышц ее спины, от ощущения ее клитора под своими пальцами. Схожу с ума от ее движений, в какой бы позе она ни была, от звуков, которые издает, когда кончает.

Знаю, что когда мы закончим, я отвезу ее домой – потому

что она не захочет остаться. Но прямо сейчас секс хорош – невероятно хорош – и каждый раз, когда она отключает свой мозг на время, достаточное для ее тела, чтобы привести ее к оргазму, я чувствую, как ломаются хрупкие кусочки ее панциря.

Я хочу увидеть ее спрятанную нежность.

Да, прошла уже целая вечность, с тех пор как я когда-то хотел нежности.

* * *

– Ты куда свалил вчера? – спрашивает Дилан.

Захлопнув дверь машины, я ставлю ее на сигнализацию.

– Поехал кое с кем домой. А вы что делали?

– Вернулись к Дэну, – отвечает Дилан и открывает дверь в бар Фреда. – Кто его знает, что там была за трава, но из-за нее Дженни лаяла по-собачьи.

Я вхожу за ним, и как-то не уверен, что хорошо расслышал его из-за орущей толпы и грохочущей музыки.

– Ты сказал, Дженни *лаяла по-собачьи*?

Он кивает, идя к барной стойке, и от этого движения мотаются его дикого вида светлые волосы. Грудь сдавливает, когда я вижу Логан за работой. Она выглядит просто потрясающе: волосы собраны в растрепанный пучок на макушке, на лице никакого макияжа, за исключением блеска для губ. На ней белый топ на тонких бретелях, отлично подчеркиваю-

щий очертания ее идеальной груди. Я чувствую себя просто дураком, даже идиотом, раз не ожидал ее сегодня тут увидеть.

Надеюсь, она не решит, что я пришел сюда из-за нее.

Но, блин. Еще надеюсь, что она не подумает, будто я ее избегаю. И к тому же я не хочу, чтобы она избегала *меня*.

Мысленно даю себе в челюсть.

– Привет, Фрик, – с усмешкой говорит ей Дилан.

Они знакомы?

Она поднимает голову и приветливо улыбается.

– Привет, Дикарь.

На меня она не реагирует. Как я предполагаю, потому, что не видит меня за ним... Но потом она кладет на стойку две подставки под бокалы, и я понимаю, что Логан поприветствовала меня, просто как очередного посетителя. Это одновременно и напрягает, и успокаивает. А чего еще я ожидал? Что девушка после одной безумной ночи превратится в прилипалу?

Опираясь ладонями в стойку, она выжидающе смотрит на нас.

– Что вам, парни, предложить?

– Чего-нибудь вкусенького, – отвечает он. Она смеется и подбрасывает в воздух вишенку. Дилан ловит ее ртом и жует, игриво на нее поглядывая.

Вот блин. Дилан не просто с ней знаком, она ему еще и *нравится*?

– А теперь «Амаретто сауэр», – проглотив, просит он.

– «Амаретто сауэр»? – переспрашиваем мы с Логан хором.

– Это очень вкусно, – настаивает он.

– Возвращаешь свою женскую сторону? – спрашиваю я его.

Дилан мотает головой, отмахиваясь от меня.

– Только Лондон делает такой вкусный. Я серьезно, ты только попробуй.

Уже открываю рот спросить, что еще за чертова Лондон, как Логан наклоняется и дает ему еще одну вишенку.

– Ай-ай, спасибо тебе.

Каждый мускул в моем теле каменеет, а мозг перестает что-либо сообщать.

Но она не видит мою реакцию. Не спрашивая, наливает мне ИПА и ставит передо мной стакан, после чего отворачивается сделать Дилану коктейль. А я был бы не в состоянии оторвать от нее взгляд, даже если в баре кто-нибудь пальнул из пистолета.

– *Лондон?* – опираясь локтями на стойку, спрашиваю я. Беру пиво и делаю глоток, и она поднимает голову, наливая напиток из шейкера в стакан.

– М-м? – отвечает она, мельком посмотрев на Дилана, а потом тут же на меня, предупреждающе прищурившись.

Наклонившись, я слегка качаю головой. Сказав ему, что поехал кое с кем домой, я не уточнял, с кем именно. И по-

том, сейчас он рассеян – как обычно, кстати – и качает головой в такт музыке, осматриваясь вокруг, будто только что выбрался из пещеры и не может поверить в происходящее.

– Тебя зовут *Лондон*? – тихо спрашиваю я, и мое сердце громыхает, пока я вспоминаю, сколько раз вчера ночью я называл ее неправильным именем. Пытаюсь – и безуспешно – вспомнить, прорычал ли его, когда кончил. – Я называл тебя Логан.

Сначала появляются ямочки, а спустя долю секунды приподнимаются уголки ее губ.

– Называл.

– И ты позволила называть себя не тем именем? – сильно удивляюсь я, а моя улыбка больше напоминает напряженный оскал. А внутри все смешалось в кучу: веселье, раздражение, смущение и замешательство.

– Ну а что тут такого? – объясняет она. – Все самое важное ты сделал правильно.

Подмигнув, она берет двадцатку, что я положил на стойку, пробивает на кассе нашу выпивку и кладет передо мной сдачу. И больше не глянув в мою сторону, даже не сказав ни слова, она отходит и начинает обслуживать другого посетителя.

Так, ладно, что это такое сейчас было?

Я легко отношусь к сексу, но даже я стал бы возражать, если бы кто-нибудь назвал меня Лукасом или Джейком. Особенно во время *соития*. А сейчас могу думать только о том,

как все это время я называл ее не тем именем, а ей было настолько наплевать, что она меня даже не поправила...

Ко мне поворачивается Дилан, берет свой стакан и делает глоток. На его лице – чистейшая, сладчайшая эйфория.

– Кажется, я только что видел, какое у тебя лицо во время оргазма, – зажмурившись, говорю я. – Как теперь это развидеть?

– Попробуй, – отшучивается он и протягивает мне стакан.

Я вынимаю соломинки и делаю глоток. *Брр.*

– Я не большой знаток «Амаретто суэров», – говорю я ему. – Для меня тут слишком много амаретто и слишком кисло.

Оглянувшись через плечо, замечаю...

Черт, как-то не складывается у меня с именами.

– Дил, – окликаю его я и приподнимаю подбородок, намекая посмотреть туда, где в нашу сторону направляется переборщившая с макияжем брюнетка с подругой, которая может похвастаться очень эффектной короткой стрижкой. Конечно, он оборачивается.

– Как ее зовут? – спрашиваю я его.

Он машет ей рукой и отвечает мне:

– Обри. А подругу вроде бы Лу.

Затем хмурится и снова поворачивается ко мне:

– Погоди-ка. Ты случайно не с ней переспал прошлым летом?

Я киваю и виновато морщусь, когда он себе под нос бор-

мочет, что я – жуткая гадина. В этот момент, глядя прямо на меня, подходит Обри – с внушительным бюстом и полной надежды улыбкой наперевес.

– Сто лет тебя не видела, – мурлычет она мне на ухо.

– Привет, Обри, – отвечаю я и задерживаю дыхание, надеясь, что хоть с ее именем не облажался.

– Ты помнишь, как меня зовут!

Кашлянув, Дилан выдает:

– *Мудила.*

Но Обри его не слышит. Она встречается взглядом своих больших карих глаз с моим, и приглашение в них просто очевидно. Я чувствую прилив адреналина и спазм в животе.

Сейчас, глядя на Обри, я вспоминаю, что она милая. И, в отличие от Лондон, хочет больше, чем просто одну ночь. Она уверяла меня, что не часто приводила парней домой, в постели испускала стоны в стиле порно-звезды, симитировала не меньше семнадцати оргазмов, но все равно это было весело. Конечно, кончив, я не оказался на грани обморока, как это было вчера ночью с Лондон, но в целом было неплохо.

Я оборачиваюсь в сторону Лондон, и меня на секунду охватывает паника: на что все это сейчас похоже. Стою у бара, в трех метрах от меня – девушка, с которой я занимался сексом прошлой ночью, а рядом со мной другая с которой я явно спал когда-то, обнимающая меня за талию и кокетливо прижавшаяся щекой к моему плечу.

Это не первый раз, когда женщины, с которыми я пере-

пихнулся, находятся так близко друг от друга, но впервые такая ситуация серьезно напрягает меня, создает ощутимый дискомфорт.

Хотя и сам не знаю, чего это я беспокоюсь, – Лондон так и не взглянула на меня. Похоже, она даже не хочет вспоминать о произошедшем.

Я веду нашу маленькую компанию подальше от бара и наклоняюсь к Обри, чтобы лучше слышать ее сквозь крики и шум телевизора. Ее губы липкие от блеска, а ресницы густо накрашены тушью. Не припомню, чтобы я раньше это замечал.

– Как твои дела? – спрашивает она и прикусывает свою нижнюю губу.

Я выдаю ей лучшую из своих улыбок.

– Неплохо.

Глава 3. Лондон

Не то чтобы такое – секс на одну ночь – было впервые, но количество парней, с которыми я спала, всегда оставалось достаточно небольшим. Поэтому, когда я увидела появившегося на следующий вечер в баре Люка, мысль «*Я занималась с ним сексом*» первой мелькнула у меня в голове.

К счастью, она пришла и ушла, а вместо нее на миг появилась «*Какого черта он тут забыл?*» Секс с парнем, подобным Люку, означает много оргазмов и улыбку до ушей, которую тебе на следующий день придется как-то объяснять друзьям. Еще это означает, что второго раза *не будет*. И в общем-то я была уверена, что мы оба прояснили этот вопрос.

Я совершенно не планировала видеться с Люком снова, и именно поэтому не поправляла его, когда он называл меня не тем именем. По этой же причине мне потребовалось время прийти в себя, когда он пришел к Фреду в сопровождении Неджо – чокнутого работника Оливера и одного из моих близких друзей.

Они направились прямиком ко мне, а я сделала им напитки и тут же отошла, занявшись своими делами. Думаю, Люк понял намек. Я толком не смогла понять его реакцию, но на секунду было похоже, будто он разочарован, что я не лезла из кожи вон, лишь бы увидеться с ним или просить повторить. Эта идея – давайте хотя бы на секунду побудем реали-

стами – конечно, не самая худшая из всех, посещавших мою голову, ведь когда Люк утверждал, будто знает, что делает... Хм, он не соврал. Ни капли.

Но на повторение меня *не* тянет. Я знала это еще вчера – хотя было очень хорошо, и я не переставала думать: *«Не хочу, чтобы все это закончилось, я даже не хочу, чтобы он кончил, потому что тогда будет пора уезжать»*. А сегодня, едва увидев его с подлизывающейся брюнеткой, я сразу поняла, что мое чутье меня не обмануло.

Вот поэтому случайный перепих не для меня: я не хочу потом прилагать усилия, чтобы справиться с этим. Мне не нравится собственное сомнительное поведение, когда так и тянет напасть на мужчину с вопросами. В игре с названием «Без обязательств» слишком много правил.

Бар постепенно начинает заполняться посетителями. По нескольким телевизорам идет трансляция матча, и время от времени все вокруг взрывается воплями. Я так занята, что почти забываю о присутствии Люка, но когда поворачиваюсь позвать официантку, чтобы та забрала напитки, замечаю, как он – и та брюнетка – направляются к выходу. Вместе.

В груди дискомфортно и почти жжет, когда я наблюдаю, как она берет его под руку. Она смеется над какими-то его словами, и они вместе выходят на улицу. У меня сейчас странное чувство – не злость и не боль. Скорее легкое раздражение (это в лучшем случае), и если он придет снова, я обязательно налью ему «Хайнекена».

Толком сама не заметила, как плююсь на входную дверь, до тех пор пока ко мне не подошел Фред.

– Что там интересного? – осведомляется он, смотря туда же, куда и я.

Вопрос приводит меня в чувство.

– Ничего, – глянув на него, улыбаюсь я. – Просто кое-кто доказал, что я была права.

– А вот это уже *точно* интересно, – подмечает он и опирается бедром на стойку. – Парень? *Девушка?*

– *Парень*, – пихнув его локтем в бок, отвечаю я. Я бы уже давно устроила бы взбучку Фреду, чтобы отучить его совать нос не в свои дела, но наблюдать, как он подначивает Харлоу, – это такое удовольствие, что просто не передать словами. – Не позволяй никому говорить, будто тактичность – не твой конек.

Он с усмешкой отходит чуть дальше от меня.

– Вообще-то, я стараюсь. Но этот вечер мощно зашкаливает в плане интересного. С тех пор как ты тут работаешь, ни разу не слышал, чтобы ты говорила хоть о каком-нибудь парне.

– Наверное, это потому, что мы не в парикмахерской на соседних креслах.

Фред со смехом ставит несколько шотов на поднос официантки.

– Сомневаюсь в достаточном в количестве волос у себя на голове для таких посиделок, – говорит он и косится в сторо-

ну входной двери. – Жаль, что он ушел, да?

Мои пальцы зависают над кнопками кассы, и я оборачиваюсь на него.

– Ты о ком?

– О вчерашнем парне, с которым ты так мило беседовала.

– Фред, думаю, мы с тобой оба знаем, что я не особо запоминаю каких-то там парней, – приторно улыбаясь, отвечаю я.

Он фыркает.

– Ты знаешь, о ком я. Весь такой лощеный наглец, причесочка, то-сё.

– Люку понравится, что ты похвалил его волосы.

– Ах, Люк... Ты даже знаешь его *имя*, – глумится он. И продолжает, слегка посмеиваясь: – Ну да, он и выглядит так же¹. Люк и Лондон... Люк и Лондон из Сан-Диего и Порт Чарльз². Ты будешь жить в мыльной опере, козявка.

Я иду к холодильнику и отпихиваю его в сторону.

Закончив с клиентом, Фред снова поворачивается ко мне.

– Ну и? Что же он тебе доказал?

Я думаю, что ответить, пока открываю бутылку «Зинфанделя», и пытаюсь понять, что именно меня беспокоит в уходе Люка с той брюнеткой.

¹ Luke – на сленге так называют мужчину-мечту: идеальная внешность, обаяние, «если встретится на пути, хватайте, пока есть шанс» – *прим. перев.*

² Порт Чарльз – американская дневная мыльная опера, которая транслировалась на канале ABC с 1 июня 1997 года по 3 октября 2003 года.

– Что мне стоит доверять своей интуиции.

Улыбка Фреда смягчается.

– Наверное, всем нам стоит хоть иногда придерживаться этого правила.

– Наверное.

Открыв пару бутылок пива парням, Фред снова обращает внимание на меня.

– И кто же его уволок отсюда?

Я смеюсь. Это точно не выглядело так, словно Люка кто-то уволок силком.

– Без понятия. Какая-то девица под номером «хз».

– А вы с ним успели неплохо изучить друг друга, да?

Предупреждающе глянув на него, я наклоняюсь убрать бутылку и отвечаю:

– Тебе что, больше заняться нечем?

Он выглядит исключительно довольным собой.

– Помимо того, чтобы смешивать коктейли и талантливо капать тебе на мозги, да?

– Ага.

– Верно, дел не особо много. Если только не заявится Харлоу, – уточняет он и после некоторой паузы продолжает: – Но я же *бармен*, и обо мне отзывались как о неплохом слушателе, так что если тебе нужно поговорить, я к твоим услугам – как только рассосется толпа.

Кивком поблагодарив его, я иду в другой конец бара. Дело в том, что мне не нужно поговорить. Чувствую ли я се-

бя уязвленной, что Люк спустя каких-то двадцать четыре часа после секса со мной ушел из бара с другой женщиной? Есть немного. И не потому, что моя честь была запятнана, или я хотела от Люка большего. Просто из-за этого слегка почувствовала себя одноразовой вещью. А еще вопреки своему здравому смыслу он мне нравится.

Но ничего, это ненадолго.

* * *

Пару часов спустя я выхожу из подсобки с коробкой крепкого алкоголя в руках и замечаю, что Люк вернулся. Один.

Подходя ближе, я замедляю шаги, попутно пытаюсь понять, как мне с ним общаться, но, услышав звяканье бутылок, он поднимает голову. Тут его взгляд оживает.

– Ой, кто это? Неужели мой драгоценный бармен? – с улыбкой говорит он. – Думал, ты ушла, *Лондон*.

Чувствую, что на моем лице красуется улыбка, когда слышу, как он интонацией выделил мое правильное имя. Он наблюдает, как я, придерживая коробку на краю раковины, достаю оттуда бутылки и ставлю на стойку. Мое второе «Я» – самая настоящая *болтушка*, но на этой работе – особенно в общении с такими парнями, как Люк – мне приходилось учить себя быть более сдержанной. Но рядом с ним у меня плоховато выходит.

Сейчас вообще все гораздо хуже – я как в плену за этой

стойкой и банально не знаю, о чем с ним говорить.

Он по-прежнему мне улыбается, будто искренне рад меня видеть, и черт меня побери, если я не чувствую то самое притяжение между нами, которое стало губительно для моей нерешительности.

– Я здесь весь вечер, – говорю я и надеюсь, что моя улыбка удачно сочетается дружелюбие и отстраненность. – Не видела, как ты вернулся.

Не успев поднести бутылку ко рту, он замирает, округлив глаза.

– Как я вернулся? – переспрашивает Люк, ставит пиво на стойку перед собой и крутит бутылку, пока не поворачивает ее этикеткой к себе.

Мама говорила мне, что когда я была младше, она всегда знала, когда я вру или специально тяну время: я так сильно сводила брови вместе, что на лбу образовывалась морщинка. Кажется, я до сих пор так делаю; она все еще говорит, это меня выдает. Думаю, Люка выдает то же самое. До этого он был так расслаблен и спокоен, а сейчас напряжен, словно перед хищником.

– Да, я видела, как ты уходил не один. А сейчас ты здесь.

– Ты имеешь в виду Дилана?

Он переворачивает салфетку логотипом вверх. А я не сразу догадываюсь, что он говорит про НеДжо. Улыбаюсь, понимая, что нечаянно пролила свет на тайну невероятных масштабов, которая не давала покоя всей нашей компании: *кто*

же он, этот непостижимый чертов НеДжо?

– Думаю, мы оба понимаем, что я не про *Дилана*.

Люк смеется, и я тут же замечаю момент, когда он взял себя в руки, – на лице волшебным образом появляется нахальная улыбочка. Даже не сомневаюсь, что благодаря своему обаянию Люк Саттер может выкрутиться абсолютно из любой ситуации.

– А, ты про *Обри*, – отвечает он, кивнув, будто только сейчас понял, о ком я. – Просто отвез ее домой.

Я фыркаю:

– О не сомневаюсь.

– Нужно было убедиться, что она не станет садиться за руль, – говорит он. – И потом, после вчерашнего занимательного вечера ты на меня едва взглянула. Как ты при этом умудрилась заметить мой уход?

Теперь моя очередь смеяться.

– Люк, все нормально. Тут нет никакой неловкости, потому что ты же знаешь – я все понимаю. Просто прикалываюсь.

– Да ладно тебе, Ямочка, – парирует он, тут же лезет в карман, достает доллар и бросает его в банку. – Я просто немного побыл хорошим другом.

Не в силах смолчать, я поддразниваю:

– «Побыть хорошим другом» это эвфемизм «получить отсос на заднем сиденье»?

Он хохочет.

– Ничего подобного, – говорит он и кривовато улыбает-

ся. – Честно.

Взяв одну из бутылок, я открываю ее и вместо крышки ставлю гейзер.

– Побудь немного со мной, – тихо просит он. – Расскажи что-нибудь.

От его мягкой просьбы у меня перехватывает дыхание. Но, как бы мне ни хотелось ее выполнить, я просто не могу удерживать парня рядом с собой.

– В случае если ты не заметил, – жестом показывая на свою белую рубашку, фартук и барную стойку, отвечаю я, – я как бы работаю.

Он оглядывается.

– Да, но сейчас мало народу. Полно свободных столиков, а многие посетители просто пьют пиво с чипсами. Они если и позовут тебя, то только чтобы попялиться на твои ноги в этой юбочке, – заверяет он и приподнимается со своего стула, чтобы лучше рассмотреть. – Лично я именно так бы и сделал.

Отмахиваюсь от него полотенцем.

– Почему ты не с друзьями?

Люк пожимает плечами.

– Они придурки – ни один не смог победить меня в Titanfall.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, чтобы не улыбнуться.

– Думаю, это рекламный ход – учитывая твой грустный

спектакль. Как у тебя, кстати, сегодня с мужским самолюбием?

Он подается вперед и ухмыляется.

– Кажется, мы оба с тобой знаем, что вчера вечером мое мужское самолюбие было восстановлено наилучшим образом.

Закатив глаза, я сдерживаю смех и отхожу в сторону, но Люк хватается меня за руку.

– Прямо сейчас я говорю совершенно серьезно, – замечает он. – Поделись, как ты научилась так классно играть. У меня достаточно мужества признать, что ты мне всыпала, но мне нужно, чтобы ты рассказала все свои секреты.

Я пожимаю плечами и убираю руку из его мягкой хватки. Прикосновение его руки заставляет меня покраснеть, и я вспоминаю, как его руки держали меня за бедра, помогая мне двигаться на нем.

– Просто практика.

– Ха, ни за что не поверю. И не потому что ты девушка, – говорит он, подняв руку и предугадывая мою грядущую блестящую феминистскую отповедь, – просто выглядишь, будто больше времени уделяешь серфингу, а не сидению на диване.

– Ну, вместо того чтобы заниматься своим портфолио и начать поиски настоящей работы, я преуспела в мастерстве тянуть волынку, – отвечаю я. – А про игры – это мой особый талант.

Он обдумывает услышанное.

– Портфолио? А где ты училась?

– В Калифорнийском университете. Закончила прошлой весной. Графический дизайн.

Он смущенно оглядывает бар, цветастые бутылки у меня за спиной, после чего поворачивается ко мне.

– И тем не менее ты здесь.

– Ага, – отвечаю я, и он не развивает тему.

Мы с Люком всего лишь раз занялись сексом, мы не друзья, поэтому вынуждена отдать ему должное – он не спрашивает, почему я работаю в баре, вместо того чтобы использовать свой диплом, особенное учитывая, что за обучение я прилично заплатила. Несколько очков парню.

– А ты? – спрашиваю я. – Заметила у тебя несколько нехилых стопок книг.

– Я тоже закончил прошлой весной. Изучал политологию.

– Ого, – выказываю я свое впечатление. – А как со спортом?

– Футбол для себя и водное поло более серьезно.

Водное поло, значит. Мысленно даю себе «пять», что угадала с одного взгляда, а затем мое сердце слегка ёкает: во время моей учебы мужская университетская команда по водному поло выиграла два национальных чемпионата. Люк, оказывается, выдающийся спортсмен.

Полотенцем протираю стойку перед собой.

– Ну ничего ж себе! – тихо говорю я. – Водное поло. Это...

Впечатляет.

Он отмахивается.

– Так, значит, ты целыми днями на доске, а по ночам в баре, в свободное время совершенствуя стратегии по обыгрыванию мужиков в играх.

– Примерно так.

– Хватит смелости для матча-реванша?

Я уже готова напомнить ему, что нет, повтора вчерашнего не будет, как открывается входная дверь, впуская внутрь лучи заходящего солнца. Появляется Миа, а следом за ней нескладно возвышающийся над ней Ансель.

Я улыбаюсь, а она встает на цыпочки и машет мне рукой. И как только я снова поворачиваюсь к Люку, то вижу, что он тоже смотрит прямо на мою подругу и ее мега-сексуального мужа. Его улыбка в триста ватт тускнеет, и он опускает взгляд на свое пиво, вращая на стойке подставку.

Глянув в сторону ребят, вижу, как Ансель обнимает Миа сзади и направляет ее в сторону дальнего столика. А Люк по-прежнему молчит.

Не нужно быть гением, чтобы понять – Люка с Миа что-то связывает, плюс ко всему я вспоминаю, что видела их разговаривающими. Гадаю, смогу ли аккуратно спросить. Не уверена.

– Ладно, тут, конечно, весело, но нужно кое-что принести, – говорю я и выхожу из-за стойки.

Люк еще не очнулся от своей задумчивости и только мол-

ча кивает в мою сторону.

Машу рукой Фреду и иду в подсобку. Когда я только устроилась на работу, Фред восстанавливался после лечения грыжи межпозвоночного диска, и Харлоу без конца угрожала подвесить его за яйца, если застукает его за подниманием чего-то тяжелее бутылки джина.

С Харлоу я знакома не так давно, но уже знаю ее достаточно, чтобы понимать:

1) она любопытная;

2) она *не в меру* любопытная, если заботится о ком-нибудь;

3) часто рубит сплеча.

Так что лучше я вечно буду таскать коробки, лишь бы не прочувствовать третий пункт на своей шкуре.

Когда возвращаюсь в зал с коробкой в обеих руках, Люк спрыгивает со стула навстречу мне.

– Боже, дай, я помогу, – говорит он, забирая ее у меня.

– Спасибо, – отвечаю я и трясусь руками. – Эта оказалась тяжелее, чем выглядела.

– Сколько еще надо принести? – глядя мне за спину, спрашивает он.

– Немного, – говорю я, разрезав коробку, чтобы проверить, что внутри.

– Покажи, где взять, и я помогу. Несколько недель назад я помогал сестре с переездом и, по ее словам, упустил потрясающую возможность зарабатывать на жизнь физическим тру-

дом.

– Нет, я могу и... – начинаю я, но он уже мотает головой.

– Я предлагаю не по идиотским рыцарским соображениям или потому что ты девушка и одна не справишься – думаю, мы оба знаем, ты можешь справиться с чем угодно, – подмигнув, говорит он. – Просто чем быстрее ты с этим закончишь, тем быстрее я смогу монополизировать твоё время.

– Спасибо, – снова говорю я, ощущая, как из-за его слов внутри вибрируют потоки крови от неожиданного удовольствия, и жестом показываю идти за мной. – Но там не будет никакого «побудь со мной». И никаких «побыть хорошим другом». На всякий случай просто поясню.

– Ладно. Хорошо, – отвечает Люк и, обойдя стойку, кивает Фреду особым приветственным чисто «мужским» кивком, пока мы проходим мимо него.

От меня не укрывается выражение лица Фреда, на котором написано самодовольное «Я же тебе говорил». Ответив угрожающим взглядом, я поворачиваю за угол и иду по коридору.

Тут, вдали от резких звуков бильярда, звона бокалов и шума телевизора, так тихо.

Заглянув в кабинет Фреда, Люк останавливается на пороге нашей маленькой комнаты отдыха. Из-за того, что большую часть пространства занимает холодильник и микроволновка, она скорее похожа на кухню. Иногда после работы я сплю в старом кожаном кресле в углу.

– Гламурно, правда? – произношу я и подаюсь вперед, чтобы понять, куда он смотрит.

Он осматривает все вокруг и пожимает плечами.

– Мне нравится, – говорит он. – В комнате отдыха у меня на работе эргономичные кресла и три разных эспрессо-машины. Честно говоря, просто сидя там, чувствую себя как-то странно.

Я смеюсь и веду его в подсобку. Люк идет и, дойдя до центра, какое-то время осматривается, после чего подходит за мной туда, где сложены коробки, и я нагружаю его тем, что мне необходимо.

– Эй, можно тебя кое о чем спросить? – уточняет он.

Сверившись со списком, я ищу другие коробки с нужной мне этикеткой.

– Конечно.

– Не то чтобы это меня касалось, но откуда ты знаешь Миа?

Я удивленно поднимаю голову.

– Миа? Она – лучшая подруга моей соседки Лолы. А что?

Вместо ответа он спрашивает:

– Ты живешь с Лолой?

– Ага, мы посещали одни и те же лекции по искусству, – говорю я. – Но помимо учебных дел толком не общались. Зато когда прошлым летом она переехала ко мне, то как-то быстро стала едва ли не самым важным человеком в моей жизни.

– Это если не считать меня, конечно, – ухмыляясь, замечает он, после чего помогает снять коробку с верхней полки.

Я под нос благодарю его и снова возвращаюсь к своему списку. Люк такой милый, очень внимательный. И черт, он флиртует как дышит.

Опасность!

– Рад помочь, – говорит он. – Так, значит, Миа – скорее подруга Лолы, а не твоя?

Такой странный вопрос.

– По ходу так. Ну то есть мы дружим, но знакомы не так давно. А *ты* откуда их знаешь?

Отодвинув локтем коробку, Люк проводит ладонью по краю полки.

– Мы знаем друг друга с детства – я, Миа, Лола и Харлоу. И вместе учились в одной школе.

Когда я ничего не отвечаю, он поднимает на меня взгляд. Наверное, он замечает мою вопросительно приподнятую бровь, поэтому продолжает:

– Так что можно сказать, мы сто лет знакомы.

У меня появляется чувство, будто тут есть что-то еще, но таков недоговаривающий Люк – кажется, он всегда такой. К тому же я готова с уважением отнестись к его нежеланию трепать о себе.

Отвернувшись, я возвращаюсь к коробкам.

– А ты раньше бывал у Фреда? – интересуюсь я. – Не помню, чтобы видела тебя.

– Один раз, несколько месяцев назад, но Дилан любит здешнюю атмосферу, и мы вернулись. И, к счастью для меня, оказалось, что ты тут работаешь, – с очередной ухмылкой отвечает он.

Я закатываю глаза, но почему-то трудно не улыбнуться в ответ. Он так заразительно улыбается.

И словно в напоминание, что его хорошее настроение – прямой результат его интереса к сексу, у него в кармане звонит телефон. Он достает его и смотрит на экран, а я разглядываю, как свечение отражается на его лице. Я бы рассталась со всей сегодняшней выручкой «Автомобильного фонда», чтобы прочитат, из-за чего его глаза так округлились.

– Хорошие новости? – спрашиваю я.

Он понимает, что попался. Я вижу, что он стал нервничать, но не знаю точно из-за чего.

– Просто друг, – засовывая телефон в карман, отвечает он.

– Ну да, – произношу я, выпрямляюсь и перепроверяю свой список, чувствуя его присутствие у себя за спиной.

Протянув руку, он забирает у меня из рук маленькую коробку коктейльных соломинок, и я ощущаю еле уловимый аромат его парфюма и тепло его руки, просачивающееся сквозь ткань рубашки.

– Спасибо, что разрешила помочь, – говорит он.

Я оглядываюсь через плечо, и его лицо сейчас всего в нескольких сантиметрах от моего. Помещение вдруг становится слишком темным и маленьким для двоих. Особенно,

если эти двое занимались сексом и не планируют сделать это снова.

– С тобой приятно, Логан.

– Эй, полегче.

Люк смеется, и по моей коже прокатываются волны теплого воздуха.

– Вообще-то я в общепринятом смысле, но да. И в таком тоже. Очевидно, – отвечает он и, нежно сжав мое бедро, отходит и направляется к двери. По телу расползаются мурашки, и я изо всех сил пытаюсь скрыть дрожь.

Люк Саттер будет большой проблемой.

Глава 4. Люк

– Хочешь, я отправлю?

На секунду мне показалось, что я не так понял Марго, но зная свою сестру, уверен – у меня всегда есть на это шансы.

Я паркуюсь, выключаю зажигание и подношу телефон к уху, как только отключается автомобильный Bluetooth.

– Хочу ли я, чтобы ты отправила мое заявление о приеме в магистратуру?

– Просто надо успеть сдать до вторника, – продолжает она, – и...

– Марго...

– ...почта отсюда всего в двух шагах, так что я запросто...

– *Марго*, – перебиваю я ее так вежливо, как только могу. – Я серьезно. Сам справлюсь. Уже всем есть до этого дело. Слушай, я только что освободился после работы и умираю с голоду. Давай попозже поговорим?

– Я просто ужасно рада за тебя, – застенчиво говорит она. – Твое резюме впечатляет. Знаю, я излишне контролирую, но это такое важное решение...

Вздыхнув, я киваю. Мне повезло иметь такую поддерживающую старшую сестру, но бывают дни, когда мне хочется, чтобы она была побольше вовлечена в собственные дела – это отвлекло бы ее от моих.

– Знаю, Гоу-гоу.

Она замолкает и вздыхает из-за имени, которым я ее называю, сколько себя помню, – оно всегда заставляет ее остановиться и про себя сосчитать до десяти.

– Ты вообще как, готов ко всему этому? – спрашивает она. – Осталось всего несколько месяцев, и начнется новая жизнь.

– Если только не подам заявку в Калифорнийский университет.

– Но ведь ты не хочешь. Я тебя знаю. Понятно же, что хочешь переехать.

– Ага. Думаю, я готов к переменам, – согласно отвечаю я. Мы говорили об этом уже раз сто, если не больше, и я хочу подготовить ее к вероятности, что скоро, возможно, буду жить на другом конце страны. – Ну то есть иногда это ощущается просто оглушающе. Например, вчера...

– Подожди, я подключу маму к разговору.

Я аж подпрыгиваю на сиденьи.

– Господи боже, это еще *зачем?*

Но она меня уже не слышит.

Я оглядываю парковку – у местечка с самой вкусной мексиканской едой, и где в обозримом будущем я надеюсь поужинать – и наблюдаю за группой чаек, сражающихся за кусок тортильи, которую им кто-то бросил. В желудке урчит от голода.

Две секунды спустя я слышу клик в трубке, и затем Марго спрашивает:

– Все тут?

– Ну да, – бормочу я.

– Я здесь, – бодро отвечает мама. – Что случилось, Пузыречек?

Мама и ее прозвища. Просто без комментариев.

– Ничего, – отвечаю я. – Честно говоря, я не понимаю, почему сейчас не ужинаю, вместо того чтобы болтать тут с вами.

– Люк нервничает по поводу заявления, – говорит Марго.

– Марго, сто раз тебе говорил, я не нервничаю! – спорю я с ней. – Все уже *решено*.

– О, это же прекрасно, дорогой! Ты уже написал им? – спрашивает мама, и я издаю громкий стон.

– Не забудь, до вторника, – хором напоминают мне они обе.

– Просто поразительно, – говорю я. – Я сегодня утром сам оделся. Позавтракал. Умудрился без посторонней помощи добраться до работы и...

– Я или папа можем отправить, – одновременно со мной говорит мама.

– Или я, – добавляет Марго.

– Я как-то даже побрился без происшествий, – продолжаю я, но точно знаю, что они меня не слушают.

– Люкер, – ни капли не смущаясь, перебивает меня Марго, – а ты вообще извинился перед Миа?

Блин, моя сестра – та еще зловредная штука.

– Ты про Миа *Холланд*? – уточняет мама.

– Ага, – с восторгом подтверждает Марго.

Закрыв глаза и зажав переносицу пальцами, я бормочу:

– *Ну приехали.*

– А почему он должен извиниться перед Миа? – насеждает мама.

Я качаю головой.

– Марго, я больше в жизни тебе ничего не расскажу.

Но моя сестра только смеется.

– Ну да, можно подумать, сможешь хранить от меня секреты.

– Люк, – вклинивается мама, – что случилось с Миа?

– Расскажи ей, – торопит меня Марго.

Откинувшись головой на подголовник сиденья, я пытаюсь быстро сообразить, как много прямо сейчас готов рассказать. Знаю, они о многом в курсе. Они на самом деле любили Миа и всегда будут любить. Но жизнь идет вперед. И *нам двоим* тоже пришлось.

С Миа меня связывала крепкая дружба. И мы не просто подарили друг другу первый поцелуй, первое прикосновение и свою девственность – да что там, мы вообще были *влюблены друг в друга!* Она – спокойная тихоня, я легко шел на контакт с людьми и бывал порой безбашенным. Она знала меня лучше, чем я сам, и пусть это такое жуткое клише, но то была наша реальность. Я рассказывал ей обо всем, а если и нет, то только потому, что она уже догадывалась сама. Та-

кое взаимопонимание шло со времен детства, когда мы вместе росли. Нас связывала общая история. Любая другая женщина в моей жизни будет располагать сокращенной версией меня, даже если будет сильно стараться. Поэтому я уверен (по крайней мере, сейчас), что любая другая женщина сильно во мне ошибется. А это нечестно.

Закрыв глаза, я вспоминаю тот разговор в баре у Фреда.

И Миа, представляющую меня своему мужу.

Мужу...

Она кажется старше, но не внешне. Это в ее взгляде – он стал тверже, и она чуть что не отводит его так быстро. Она не заикается и не произносит протяжно односложные слова. Миа представила его – из-за грохота пульса в ушах я едва расслышал его имя. И я был... Я был в ужасе.

– Муж? Ты... замужем? – ошалело переспросил я. Наши жизни теперь совсем не похожи и движутся по разным траекториям. Я знал, что она встречается с кем-то, но выйти замуж... Эта новость сбила меня с ног. Чуть ли не буквально вывернула меня наизнанку и выпотрошила.

Ее муж подошел на шаг ближе, когда она сказала:

– Мы поженились в июне.

Не обратив на него внимания, я спросил:

– А как давно ты с ним знакома?

– Не то чтобы это твое дело, – выдала она и слегка улыбнулась, посмотрев на него. – Но да, мы были в Вегасе и... Это просто случилось, и все.

Я почувствовал, как мое лицо напряглось от отвращения. Нет, даже не от отвращения. От боли.

– Ты серьезно? Стереотипная свадьба в Вегасе, Миа? В тебе что, совсем ничего не осталось от девушки, какую я знал, а?

Воспоминание о выражении ее лица после этих моих слов кажется ударом в грудь.

– Да ладно вам обеим, – говорю я, покачав головой, чтобы прочистить мысли. – *Ничего* не произошло. Просто случайно встретились, а я нагрубил.

– Нагрубил? – переспрашивает мама. Я прямо обожаю ее за то, что она, кажется, даже не может такое себе представить.

– Миа вышла замуж, – заговорщически шепчет Марго. – За *француза*. И *препода по праву* в Калифорнийском университете.

– Это же замечательно! – практически кричит мама. – Мне нужно отправить им подарок.

– Да, хорошая идея, – сдержанно соглашаюсь я. – Все. Я голодный. Могу уже идти?

– Тебе нужно позвонить Миа, – говорит Марго.

– Слушай, мой ты мозгоклюй. Я не собираюсь ей звонить. Ясно?

– Ты ужинаешь не дома, Люк? – спрашивает мама. – Почему бы тебе просто не заехать к нам? Я сделаю курицу с рисом.

– Пока, мам, я люблю тебя. Марго, а ты труп, – выдаю я и отключаюсь.

* * *

Я захожу в ресторан, лавирую мимо других посетителей и попутно отвечаю на смс. Встаю в очередь на заказ. Услышав чье-то вопросительное хмыкание рядом, слегка поднимаю голову и замечаю, как у витрины кто-то взмахнул светлыми волосами.

Эта блондинистая голова мне ужасно знакома.

Я убираю телефон в карман.

– Привет, Амстердам.

Никак не ожидал увидеть Лондон здесь – в очереди в своем любимом мексиканском ресторанчике в паре километров от работы. Но при виде ее с моим сердцем происходит что-то странное: оно подпрыгивает, а потом начинает быстро колотиться, как отбойный молоток, будто я как-то по-особенному взволнован ее видеть.

Сначала оглянувшись на меня через плечо, она поворачивается и, наклонив в сторону голову, не торопясь осматривает мое тело.

– Симпатичный наряд.

– У тебя тоже, – отвечаю я. То есть, блин, я видел ее голой, а сейчас от ее вида в верхе бикини, коротких шортиках и шлепанцах (и все это в лучах заката) у меня начинается чуток

кружиться голова. – Но кажется, тебе кто-то забыл сказать, что на улице прохладно.

Наклонив голову, она спрашивает:

– А чья это забота – говорить мне, что прохладно?

Открыв рот, я тут же закрываю его, поняв, что ничего остроумного в ответ придумать не могу. Она снова поворачивается к стойке и, с легкой улыбкой подавшись вперед, делает заказ. Из под шортиков выглядывают округлости ее задней нижней части. Честно говоря, я могу весь день простоять в этой очереди ради такого вида.

Ожидая сдачу, она поворачивается ко мне вполоборота:

– Кажется, я понятия не имею, чем ты занимаешься в течение дня, потому что никак не предполагала, что ты носишь костюм.

– А что ты предполагала?

– Плавки Speedo, например.

– Ну, – отвечаю я, – если я появлюсь в них в зале суда, меня оштрафуют.

Она изо все сил сдерживает улыбку и изучающе смотрит на меня.

– Ты *адвокат*, что ли?

– Эй, не так быстро! Мне двадцать три с половиной, и я практикант. Собираюсь поступать в магистратуру.

Наблюдаю, как она теперь сдерживает скептический стон.

– Ну да, конечно.

– Я, конечно, не катаюсь по волнам целыми днями и не

разливаю напитки по ночам, но с чего-то же надо начинать.

Блин. А вот это прозвучало дерьмово.

От меня не укрывается, как много усилий беззаботная Лондон прилагает, чтобы продолжать держаться пренебрежительно в ответ на это, но все же выдает мне улыбочку под названием «Пошел куда подальше» и отворачивается, после чего, взяв себе несколько чашек с разными видами сальсы, идет к выходу. Толкнув дверь бедром, выходит и располагается за столиком на улице.

У меня в голове всплывают слова «достойный противник», когда она возвращается ждать свой заказ.

Когда Лондон мельком смотрит на меня, на пухлых губах играет улыбка. Я разглядываю ее светлые волосы, веснушки, потом всю ее целиком: длинные ноги в коротеньких шортиках, каким-то чудом спрятанная в треугольных чашечках бикини грудь. Вернувшись взглядом к ее лицу, замечаю, что выражение ее лица непривычно открытое – уязвимое любопытство, желание узнать, о чем я подумал, пока разглядывал. Впрочем довольно скоро она уже возвращает свою привычную оборону.

Ее вызывают, и она берет огромную тарелку чего-то там. Поднимает к носу и глубоко вдыхает аромат.

– Я прихожу сюда ради карне асады с фри, – делится она. Потом с еще одной улыбочкой говорит: «Увидимся», после чего возвращается к своему столу.

Ох уж эта девчонка... Нет, ну честно.

Я не планировал брать еду на вынос, но учитывая, что ресторанчик маленький, всего с четырьмя столиками, как-то странно сидеть тут не вместе. Мой заказ готов, и после небольшой паузы я, взяв тарелку, иду на улицу.

– А я вот, между прочим, – говорю я, – прихожу сюда ради соевых начос.

Лондон смотрит, как я ставлю тарелку на ее столик.

– Ты что это делаешь?

Вполне понимаю. Это немного неловко, и как бы она мне ни нравилась, я принимаю сам факт, что та ночь была на раз. Но не собираюсь есть отсыревшие в пластиковом контейнере начос у себя в машине, лишь бы избежать сейчас вот этого.

– Надеюсь, поем, – отвечаю я.

Она смеется и машет руками над столом.

– Нет-нет-нет. Не-а! Мы не будем ужинать вместе.

Я замедляю движения, но продолжаю садиться.

– Это разве то же самое, что и «не можем» поужинать вместе? Я что-то не дочитал в книге правил?

Шутливо прищурившись, она смотрит, как я разворачиваю из салфетки нож с вилкой.

– Пожалуйста, не заставляй меня пожалеть, что я спала с тобой.

– Чисто технически, мы не спали. Мы занимались сексом у меня на диване, помнишь, да? – спрашиваю я и беру большой ломтик тортильи. – Было просто потрясающе

– Да, – говорит она, осуждающе тыча в меня пальцем. –

Мы занимались сексом у тебя на диване, но...

– И на полу.

– И на полу, – соглашается она и закатывает глаза. – Но не...

– А потом снова на диване.

Она со вздохом приподнимает брови, словно ожидая, когда я закончу перебивать. Я слегка киваю.

– Может, все будет гораздо проще, если мы будем избегать друг друга? – предлагает она.

Сглотнув, я киваю. Это так непривычно – ощущать себя по эту сторону подобного разговора.

– Возможно.

Она пригвождает меня взглядом. Я устремляю на нее такой же пристальный взгляд. Она медленно – и многозначительно – показывает глазами на мою тарелку и потом на соседний пустой столик.

– Означает ли это, что мне не стоит надеяться увидеть как-нибудь твое обнаженное селфи? – спрашиваю я. – Ну или хотя бы селфи в этом бикини?

– Думаю, тебе и так присылают немало селфи.

Будто в подтверждение ее слов, рядом с бутылкой воды жужжит мой телефон, и Лондон расплывается в очаровательной улыбке с ямочками.

Поставив локти на стол, я подаюсь вперед и улыбаюсь так искренне, как только могу.

– Послушай, Фресно...

– *Фресно, Амстердам...* Очень остроумно.

– Я не собираюсь ничего усложнять. Само беспокойство, что будет неловко, и делает ситуацию неловкой. Мы в маленьком ресторанчике. Мы оба взрослые. А это просто еда, – заверяю я, затем отщипываю кусочек тортильи, бросаю ее в рот и задумчиво жую. – Так что, строго говоря, это просто еда с парнем, который пару ночей назад видел тебя раздетой. Но если ты на самом деле хочешь, чтобы я пересел, я уйду.

Она смотрит в сторону, и я замечаю виноватое выражение ее лица. Я уже видел, как она общается с людьми – она болтушка, улыбается и без конца отпускает шуточки. Поэтому смело могу сказать, что Лондон возводит вокруг себя стены из-за парней и отношений, а не потому что она редиска.

Ну разве что самую малость.

Снова повернувшись ко мне, она, прищурившись, оглядывает меня и хохочет.

– У тебя в зубах застряла фасоль.

Теперь, когда она об этом сказала, я и сам почувствовал. Нарочно улыбаюсь еще шире.

– Мне же нужно как-то уменьшить свою привлекательность. Не стоит ведь позволять своей харизме работать постоянно и на полную катушку.

Лондон хихикает и откусывает свою картошку.

– Ты спятил.

Я наклоняюсь к ней ближе, и она хохочет еще сильнее.

– Можешь поверить, что это лицо мужчины, который пару

ночей назад с радостью подарил тебе четыре оргазма?

Она смотрит на меня и поджимает губы, когда память о той ночи заставляет ее покраснеть.

– Три.

Вынимаю изо рта фасолинку и откидываюсь на спинку стула, не спуская глаз со своей собеседницы. Я жду. Потому что *отчетливо* помню каждый из ее оргазмов – с пронзительным вскриком, с открытым от изумления ртом, «о боже, обалдеть, о-о-о» и последний – со струящимся потом и неразборчиво-умоляющий. Так что она врушка.

– Ладно, может, и четыре, – слегка взмахнув рукой, признает она. Потом хмурится и смотрит на меня. – И на что это ты намекаешь?

Я мотаю головой:

– Ни на что. Я...

– Вообще-то я серьезно, – продолжает настаивать она и теперь краснеет от растерянности. – На что намекаешь... вот всем *этим*? – уточняет она, показывая на мой внешний вид. – Эффектный костюм, блестящие туфли, эта чертovsky волосы...

– Я еду с работы! – не могу удержаться от хохота я. – погоди, а на что тут могут намекать мои *волосы*?

– Еще эта улыбочка. Ты... просто... – пытается объяснить она, подыскивает подходящее слово и наконец наконец находит: – *Нелепый*.

Не знаю, в нем ли дело или нет, но все это будоражит. От

наблюдения, как она делает вид, будто ей тошно находиться рядом со мной, я испытываю странный кайф.

– Без понятия, что ты подразумеваешь под словом «нелепый», – подначиваю я ее.

– Каждую ночь ты отлавливаешь разных женщин и...

– Не *каждую*.

О да, вот оно: уравновешенная Лондон куда-то исчезла.

– Я смотрю, ты *хочешь* видеть меня набором штампов, а?

– Золотой мальчик, игрок в водное поло, будущий адвокат. Эх, до чего ж тяжелая судьба, а. Аж страшно, – ерничает она и наклоняется в сторону, оглядывая парковку. – И, наверное, едешь на Хаммере, да?

– Я отвез тебя домой на «*Приусе*», – напоминаю ей я.

Она фыркает.

– У тебя в кармане *презерватив!*

– Я бы не стал осуждать, если бы и в *твоем* кармане лежал презерватив, – парирую я. Она прищуривается. Я прав, и она это знает.

– И я был бы рад просто играть в видеоигры всю ночь, – добавляю я.

Лондон яростно запихивает фри в рот и с набитым ртом заявляет:

– У тебя в холодильнике, кроме соуса, ничего нет.

– Ну там еще точно был сельдерей и сыр. И благодаря мне ты кончила *четыре раза*. Четыре! Ты ни за что не добилась бы ничего подобного со своими секс-игрушками в коробке

под кроватью.

Лондон покусывает соломинку, после чего говорит:

– С чего это ты взял, что у меня под кроватью коробка с игрушками?

И, богом клянусь, она покраснела еще сильнее.

– Что, станешь отрицать? – тихо спрашиваю я.

Она решила проигнорировать мой вопрос.

– Вчера ты поймел кого-то еще.

– Технически нет.

Она смеется.

– Значит, *технически* Обри сделала тебе минет в машине.

Этого не было – она, посасываяще целуя мне шею, схватила меня за член, но я осторожно разжал ее руку и проводил до двери. Но Лондон уже все для себя решила. Тогда зачем мне беспокоиться?

– Тебе вообще было пофиг, что я всю ночь называл тебя не тем именем! – начинаю я, решив, что теперь моя очередь наехать. – Так что какая разница, сделали ли мне минет?

Ее глаза округляются.

– Мне *без разницы*, получил ли ты минет. Другой вопрос, что ты – вместо того чтобы просто отставить в сторонку то, что было у нас, – настаиваешь на... этой *еде*, – заканчивает она, жестом показывая на стол и ресторан вокруг.

Ушам своим не веря, я даже закашливаюсь.

– Я не преследовал тебя. Просто пытаюсь быть вежливым. Ты предпочла бы, чтобы я, просто пробормотав «Привет»,

свалил со своими начос домой? Ну и кто тут из нас хитрец? Точно не я.

Она смотрит куда-то в сторону и дает мне возможность полюбоваться линиями ее скул и гладкой шеей. Ее волосы выгорели на солнце, а на затылке я замечаю несколько прилипших песчинок. Что сейчас творится у нее в голове? Даже предположить не могу.

– Ты меня бесишь, – тихо говорит она, словно больше себе, чем мне, и макает картошку в сальсу.

И тут меня осеняет.

– Думаю, тебе не нравится, как сильно я тебе нравлюсь, – замечаю я, не в состоянии скрыть улыбку. – Ты не можешь запихнуть меня в условную банку Завсегдатаев, За Которых Стыдно. Хочешь отмахнуться от меня, как от членоголового плейбоя, но потом все равно думаешь, что я сексуальный и забавный. А еще тебе нравится наблюдать, как я ем начос.

Лондон поворачивается ко мне и ухмыляется.

– Да чтоб меня, вот же придумал.

– Да чтоб тебя? Это ты интересно заметила, – выдаю я, делаю паузу и отправляю в рот еще один ломтик, после чего продолжаю: – А прямо сейчас ты хочешь меня поцеловать?

Она подается вперед и изучает мое лицо.

– А ты слишком много думаешь об этом.

Это правда. Слишком много думаю. Но еще я знаю, что прав. Наклонившись, я какое-то время молча ем, все время ощущая на себе ее взгляд.

– Что? – отодвинув в сторону тарелку, вытираю рот салфеткой.

– Мне нужно домой принять душ перед работой.

Тут что-то есть. Что-то вроде... приглашения? Чувствую, как мои глаза округляются – я ловлю ее намек.

– Я живу всего в трех кварталах отсюда, – напоминаю я ей.

Лондон встает, относит свою тарелку к мусорному контейнеру, после чего поворачивается ко мне.

– Ладно. Но мою орхидею тебе целовать все равно нельзя.

* * *

К моменту, когда Лондон паркуется позади моей машины, к ней возвращается ее фирменное самообладание. Я наблюдаю у крыльца, как она оглядывает двор рядом с домом, пока подходит ко мне.

– Я как-то не задумывалась, что ты живешь один и у тебя дом в Ла-Хойе.

Склонив голову набок, я спрашиваю ее:

– А ты где живешь?

– У меня лофт в центре, – отвечает она. – Бабушкино наследство.

– Что ж, тут у нас есть что-то общее, – повернувшись к входной двери, говорю я. – Этот дом принадлежал моей бабушке. А сейчас она живет в Дель Мар в модном поселке для пенсионеров. Со мной раньше жила моя сестра Марго,

но сейчас перебралась поближе к кампусу.

– А, Калифорнийского универа, да? Он ведь где-то в пяти километрах отсюда.

– Да, она учится в магистратуре на биофаке. Она терпеть не может водить машину, так что нужно быть рядом с лабораторией, – объясняю я и кивком приглашаю Лондон в дом. – Заходи.

Очевидно ведь, что она тут не ради праздных бесед. Поэтому сразу входит и идет прямо по коридору. Обернувшись, спрашивает:

– Ничего, если я приму душ тут, внизу?

– Ага, – направляясь следом за ней, говорю я. – Нужна компания или ты справишься одна?

Она поворачивается ко мне и, сняв через голову футболку, которую надела для машины, бросает ее на пороге ванной.

– Если бы я хотела принять душ одна, поехала бы домой.

Приподняв брови, я рассматриваю ее обнаженную грудь.

– Логично.

Происходящее так внезапно и странно, но если речь идет о совместном душе с мокрой и скользкой от мыла Лондон, то я в деле.

Войдя в кабинку и включив воду, она через стеклянную стену наблюдает, как я раздеваюсь. Присоединившись к ней, я с удивлением обнаруживаю, что член уже встал и уперся ей в бедро, когда она поворачивается ко мне, чтобы поцеловать

меня в шею.

– Честно говоря, не могу тебя понять, – замечаю я, закрыв глаза, когда она зубами проводит мне по подбородку.

– Вообще-то я и сама не могу себя понять, если тебя это как-то утешит.

Пожалуй, да. Мило мне улыбнувшись, она поворачивается и, взяв пузырек шампуня, вкладывает его мне в руку.

– Но ты прав: несмотря на то, что мне говорит интуиция, кажется, ты мне нравишься, – признает она и, поцеловав меня еще раз, поворачивается ко мне спиной. – И уверена, с тобой хорошо принимать душ.

– Мне нравится так думать, – отмечаю я, намыливаю ей волосы и массирую кожу головы. Лондон прислоняется спиной ко мне, а поток горячей воды стекает мне по груди. – Это напомнило мне, как я мыл головы куклам Марго.

Лондон замирает, медленно поворачивает ко мне голову, смотрит на меня через плечо и крайне удивляется: «*Что?*»

Не в состоянии удержаться от хохота, я прижимаюсь лицом к теплой коже ее шеи.

– Да-да... сейчас я слышу, как это звучит без контекста – просто жуть какая-то. Но мы вообще-то играли в салон красоты. А так как я – младший брат, то терпел всяческие издевательства, и моя карьера остановилась на красотке у раковины. Передавал ей клиенток для сушки и укладки. И она дико орала на меня, если плохо справлялся.

– Кажется, Марго потрясающая.

Я киваю и наклоняю ей голову, чтобы помассировать шею.

– Да, она такая. Магазины Sephora до сих пор ей как храм.

– Меня одновременно и восхищает, и беспокоит, что ты – парень, который знает, что такое Sephora.

– А еще Chico's, – добавляю я, получая удовольствие от того, как сейчас все просто. – Местечко не самое посещаемое мужчинами и практически курорт для моей бабушки. А мама, кстати, тащится от Coldwater Creek, – добавляю я и делаю паузу, мыльными пальцами погружаясь в волосы Лондон. – Господи, большинством моих выходных рулили женщины из моей жизни.

– Милый противовес будням, которыми рулят женщины из твоего телефона.

Чувствую, как мы оба застываем под льющейся водой. Стоит мне только подумать о том, как между нами все просто или что есть какое-то развитие, она тут же выдает что-нибудь в таком духе.

– Я что, сказала это вслух? – спрашивает она и поворачивает ко мне голову с медленно стекающей пеной по обеим сторонам лба.

– Сказала.

– Ты, наверное, сейчас осуждающе смотришь на меня, да?

– Нет, – заверяю я ее, но при этом не собираюсь врать самому себе, будто ее мнение обо мне не ранит. Положив руки ей на плечи, я поворачиваю ее к себе. Стираю пену с ее бровей и бормочу: – Смой.

Краем глаза вижу, как она смотрит на меня, пока я споласкиваю ее волосы, стараясь при этом не встречаться с ней взглядом и сосредоточившись на своих руках.

– Логан?

Она улыбается.

– Да?

– Зачем ты пришла ко мне снова? – тихо спрашиваю я.

Она берет мыло, и я не могу сдержать дрожь, когда она прижимает руки к моему животу и скользит по груди.

– Точно не знаю, – уходит она от ответа и, встретившись со мной взглядом, еле заметно сладко улыбается. – Прости, что нагрубил.

– Думаю, ты вымещала на мне недовольство самой собой. Но в таком случае не пришла бы снова.

От ее широкой улыбки появляются ямочки.

– Тебе не удастся заставить меня стать одной из тех девиц в твоём телефоне, которые уверяют, якобы они никогда ничего подобного не делают.

– Я и не пытаюсь *заставить*. Просто в твоём случае это похоже на правду. Хоть ты и не сказала мне об этом в нашу первую ночь, готов поспорить, ты никогда ничего подобного не делала. И я не в том смысле, что это неправильно, как раз наоборот.

Кивнув, она смотрит себе на руки, пока намыливает мне плечи и грудь. Из-за шума льющейся воды я еле слышу ее ответ:

– Секс был хорош. И я подумала, что ты тот, кто может удержать это именно в таких рамках, потому что сейчас я не хочу ничего другого.

– Могу.

Надеюсь.

Ну то есть раньше это не было проблемой, а сейчас я даже встревожен тем, насколько сильно хочу ей понравиться.

– Но буду честным. Ты в этом полный отстой, – смело заявляю я, вижу, как у нее падает челюсть от этих моих слов, и тут же добавляю: – Я не про секс – тут ты хороша, если мне не изменяет память. А про получать *удовольствие* от секса.

Лондон стреляет в меня взглядом голубых глаз.

– Что ты имеешь в виду? Ты не заставишь меня расчувствоваться тут.

Меня смешит, как быстро она начинает обороняться, и я щекочу ее.

– Я имею в виду, что ты ведешь себя со мной как-то непонятно.

Она хихикает.

– Ну прости! Честное слово, больше не буду по-мудацки. Просто я... не хочу ни с кем всерьез встречаться, а парень, с кем я *могла бы* встречаться, в любом случае не будет похож на тебя. И я здесь... ради секса. Хм, ну да, может, и про недовольство ты прав... все действительно как-то странно.

Я пытаюсь не обращать внимания, как оскорбительно все это выглядит.

– А о каком парне идет речь?

Она озадаченно смотрит на меня.

– Ни о каком.

Раздраженно вздохнув, я наливаю в ладонь кондиционер, пока она моет мне предплечья. Скользя пальцами ей в волосы, говорю:

– Ты же говоришь, что я не в твоём вкусе. А *кто* тогда в твоём вкусе?

– Кто-нибудь спокойный. С бородой. И весь в тату.

– Блондинистый пивовар в грубой одежде? – спрашиваю я, и она смеется. – Перебарщивает с воском для усов, из-за чего по всем параметрам ниже плинтуса?

– Типа того, – соглашается она. Ее руки возвращаются мне на грудь и снова спускаются к животу. Не отрывая от меня взгляда, она спускается ниже и скользит мыльной рукой по члену.

Ее щеки горят, а я дрожу и закрываю глаза, когда член дергается навстречу ее ладони. Хочу сказать ей, как это хорошо, хочу поцеловать ее, но ощущения от ее прикосновений так стремительно накрывают меня с головой, что я просто замираю на месте под потоком горячей воды.

Скользнув пальцем по головке моего члена, она издает тихий стон.

– Совершенно не в твоём вкусе, – поддразниваю ее я.

Она прижимается губами к моей ключице.

– Не-а, ни капельки.

Продолжая скользит рукой и мягко сжимая, она приподнимается на цыпочках поцеловать меня в шею.

Обхватив ее лицо руками, я наклоняю ее голову, чтобы встретиться взглядами.

– Мы не должны это делать, – Лондон смотрит на меня и тяжело дышит.

– Не должны?

Что?

– Конечно, нет.

Но она просто дразнит. Слегка улыбнувшись, она прижимается своим приоткрытым ртом к моему и ныряет теплым и скользким языком внутрь. Внутри меня словно что-то высвобождается. Обхватив ладонями ее груди и поглаживая соски большими пальцами, я прижимаю ее к плитке душевой, издавая громкие стоны ей в рот. Когда, коснувшись одной рукой между ее ног, я чувствую, какая она уже шелковистая от желания, она отодвигается от моего рта и откидывается головой на стену. Смотрю на нее – глаза закрыты, мягкие губы приоткрыты, на шее колотится пульс, рисую пальцами круги, немного спускаюсь вниз, потом снова и снова круги. Черт, она такая сексуальная, поэтому так нетрудно понять, как сделать ей хорошо: ей нравятся прикосновения вот здесь, снаружи, быстрые и сильные. Наклонившись, посасывающими поцелуями я собираю воду с ее подбородка и губ.

Она ерзает, не в состоянии стоять спокойно. Я тянусь к ее рту, но она отодвигается от меня и, приподняв брови, шепотом

том спрашивает:

– Презерватив?

Высунувшись из душа, я шарю в шкафчике и, взяв один, подаюсь назад, чудом умудрившись не поскользнуться.

Взяв презерватив в одну руку, другой она тянется ко мне и поглаживает, подставляет губы для поцелуя. В голове горячо и ноль мыслей, когда я снова касаюсь ее пальцами, и тут же слышу, как она тихо вздыхает от облегчения.

Лондон зубами разрывает обертку, а мои пальцы все продолжают и продолжают поглаживать. По напряжению ее бедер я чувствую, как она близко, поэтому мне вовсе не обязательно слышать ее «Я близко». Но она все-таки произносит эти слова и тем самым будто запускает электрический заряд прямо в ток моей крови.

А следующие ее слова вообще словно взрывают бомбу у меня в груди.

– Я хочу кончить, когда ты будешь внутри. Ладно?

Лондон поднимает на меня взгляд и улыбается почти виновато, что просит о такой близости со мной.

Я просто киваю, не в состоянии говорить, потому что внутри меня словно что-то, треснув, широко раскрывается.

Подушечкой большого пальца я глажу ее по нижней губе, продолжая кивать.

Мы уже не гонимся за веселым и разгульным половым ак-

том, какой я знал долгие годы. Внезапно мне трудно вспомнить, когда я так же легко дарил кому-то еще свою нежность. Сейчас все не так, как было в ту ночь с ней, – сейчас два человека испытывают нечто совершенно другое.

А я – словно с содранной кожей.

И хочу заниматься любовью с этой сладкой и недоверчивой девушкой.

Необходимость почувствовать ее губы на своих сбивает меня с толку, но я все равно наклоняюсь к ее губам, прижимаюсь к ним своими, посасываю и раскрываю, чтобы попробовать ее язычок и вытянуть из нее эти сдавленные и жадные вздохи.

Лондон отстраняется, чтобы сосредоточиться. Я чувствую ее дыхание на своей шее и вижу, как ее внимание сфокусировано на том, чем заняты ее руки. Она надевает презерватив, и тут же звуки вокруг исчезают один за другим – даже под потоком воды мы в тишине. Скользнув рукой ниже, она обхватывает меня и от моего ответного хриплого стона поднимает на меня взгляд, ловя каждую мою реакцию.

– Твердый, – произносит она. Я не слышу ее слова, а читаю по губам, уставившись на потоки воды, стекающей по ее лицу и падающей с верхней губы.

Я представляю, что она перед собой видит: мои сведенные вместе брови, мой подбородок. Сглотнув, пытаюсь хоть что-нибудь произнести, но не нахожу слов. Понятия не имею, что именно я хотел бы сейчас сказать, но внутри меня все ощу-

щается слишком интенсивным, чтобы иметь возможность что-то озвучить.

Ее светлые волосы прилипли к щекам и шее. Глаза с бирюзовой каймой вокруг темно-синей кажутся огромными. Ресницы слиплись. От поцелуев губы стали невероятно красными. А от того, что в выражении ее лица исчезла настороженность, мне становится больно внутри.

Она заставляет меня хотеть того, о чем я очень давно уже даже не думал: единения, постоянства, чего-то привычного и только для двоих.

– Мне нравится, – тихо произносит она, и от того, что она не сводит с меня глаз, я понимаю, что речь сейчас о большем.

Она признается, что ей нравлюсь *я*.

Со стоном понимаю, что я сейчас для нее словно открытая книга, и мой взгляд ничего не скрывает – ни нетерпения, ни потребности в ней. От всего этого я начинаю дышать так часто и сильно, что почти задыхаюсь. Взяв ее за бедро, я поднимаю ее ногу и закидываю себе на талию. Она такая мокрая и мягкая, и так легко оказаться внутри. Я мог бы ворваться и несколькими жесткими ударами доставить удовольствие нам обоим, но прямо сейчас хочу другого.

Хочу прочувствовать это медленное скольжение.

Хочу увидеть, как на ее лице появится облегчение.

Хочу, чтобы она видела *меня*.

На ее лице мелькает боль – еле заметно сведенные брови и сдавленный вздох. Я наклоняюсь поцеловать ее и спросить:

– В порядке?

– Да, – кивая, отвечает она. Проведя пальцами по моему затылку и скользнув в волосы, она лукаво улыбается.

– Просто *никогда* так не делала.

Мой смех превращается в стон, когда она посасывает и покусывает мою шею. Войдя в нее глубже, я почти совсем не подаюсь назад, двигаясь глубоко, еще, еще и еще, пока она не начинает царапать мне спину, покачиваясь в такт и издавая прямо мне в ухо сдавленные, резкие и почти болезненные стоны.

Я знал, что ей надо не так уж и много, но не подозревал, что настолько.

Немного отодвигаюсь, чтобы посмотреть на нее, и тут она кончает: открыв рот, сильно сжимая меня изнутри и издав надрывный гортанный звук.

Прижавшись лицом к ее шее, я чувствую, как во мне что-то освобождается, и стискиваю ее, двигаю своим мужским инструментом быстрее и сильнее, посасываю кожу на шее, стараясь продлить ее удовольствие, насколько смогу. Оно все длится и длится. И вот наконец она обмякает, захлебываясь воздухом, и просто смотрит на меня.

Смотрит, как я уже на грани, смотрит, как я падаю за эту грань и кончаю с громким стоном.

Блин, я едва могу дышать. Руки дрожат, а она такая скользкая, что приходится усилить хватку, иначе я ее уроню. Но ее руки уже на моем лице, ее рот ищет мой, и она целует

меня.

Лучше этого поцелуя ничего не существует на свете – ведь я все еще в ней.

Она такая мягкая и мокрая, а еще эти расслабленные пресыщенные прикосновения... Из-за всего этого мне трудно даже представить, что придется выключить душ. Это так просто – целоваться после секса – и в то же время нет. Будь это просто, оно стало бы обычной повседневной практикой. И я не стал бы торопиться снять презерватив, первым делом позаботившись не о нем, а о чем-нибудь еще. Не стал бы думать, как долго она пробудет у меня, захочет ли остаться или что предложить ей перекусить.

Но Лондон со мной еще не закончила, поэтому я не хочу рушить эту связь. Еще нет. Не совсем. Мне нравится то, какая она податливая в моих руках. Нравится раствориться в ней. Нравится ощущение, как мы только что вдвоем сделали нечто уникальное.

Обхватив руками мое лицо, она прижимается губами к моему подбородку, слизывает воду с моей нижней губы. Ее сверкающие голубые глаза так близко.

– Ты как?

– Думаю, ты меня прикончишь, – кивнув, шепотом отвечаю я, после чего снова тянусь к ее рту, но она уворачивается.

– Ты сейчас всю горячую воду переведешь.

Она подается бедрами назад, я выхожу из нее и осторожно

ставлю ее на ноги.

Прошло уже много лет с тех пор, как я чувствовал чье-то тело своим тоже, и это ощущение всплывает во мне возрожденным рефлексом. Я провожу руками по ее бокам до бедер. Поглаживаю ее ягодицы, когда она наклоняется выключить воду. Когда же выпрямляется и встает спиной ко мне, позволяю ладоням подняться вверх к груди. Наклонившись, посадываю и кусаю кожу на плече – хочу оставить отметину для всех, что я был здесь. Мне нравится, как она ощущается рядом с моим телом, вписывается спиной или лицом – неважно. Мы тут идеально подходим друг другу.

– Где у тебя полотенца? – оглянувшись через плечо, Лондон старается подавить дрожь.

– Черт, прости, я сейчас, – обещаю я, вылезая из душа и, обернув полотенцем бедра, бегу к шкафу за еще одним для нее.

Она уже вышла, когда я возвращаюсь и отдаю его ей. Смотрю, как она вытирает тело, промокает волосы. А я еще не оправился от ощущения, что всего десять секунд назад она была моей *девушкой*.

– Хочешь верь, хочешь нет, – говорит она, – но я сейчас впервые не одна принимала душ.

Я вытираю голову.

– Правда?

Подняв голову, она замирает и издает смешок.

– Господи, нет, ну ты только взгляни на свое *лицо!* Столь-

ко гордости.

– Вроде ведь не большая тайна, что парни любят быть первыми. Типа открыть Америку. Изобрести что-нибудь. Принять Душ С Лондон.

– Ну ты и сексист. Женщинам тоже нравится...

Я перебиваю ее, подняв руку.

– Ну да, да. Я не настолько рехнулся, – заверяю я и смотрю на нее, пока она не встречается со мной взглядом. – Успокойся. Просто рад быть первым. И не собираюсь водружать флаг или что-нибудь еще.

И наконец она мне улыбается. Мягким взглядом окидывает все мое лицо, после чего возвращается к глазам.

Выражение ее лица такое сладкое и расслабленное, просто обалдеть... даже *счастливое*, от чего я делаю шаг вперед...

Лондон несколько раз моргает, и ее глаза холодеют: она вспоминает, что под полотенцами мы оба голые, а я не тот парень, который может ей понравиться.

– Можно одолжить у тебя что-нибудь из одежды? Мне нужно домой переодеться перед работой, а мое все в песке.

– Как-то не очень хорошо спланировала, а?

Она прищуривается и старается выглядеть раздраженной, но у нее не особо выходит.

– *По плану* у меня был душ дома.

Она идет за мной в спальню и наблюдает, как я из шкафа вытаскиваю футболку и баскетбольные шорты.

– Наденешь... – я замолкаю. Другой рукой беру боксеры

для себя.

– Не, – возражает она, а затем, взяв у меня шорты, скидывает полотенце и садится на край кровати. Голая. И теперь мне только и остается, что думать о ней, в моих шортах и без ничего между ее... – Ты пялишься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.